

№3

ДЕКАБРЬ 2011

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
В ПЕРМСКОМ КРАЕ

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Судьба России:

1991–2011

По материалам
Международного гражданского
форума «Пилорама»

СОВЕЩАНИЕ ПО БЕЗОПАСНОСТИ И СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЕВРОПЕ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АКТ (ХЕЛЬСИНКИ, 1 АВГУСТА 1975 ГОДА)

VII. УВАЖЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД, ВКЛЮЧАЯ СВОБОДУ МЫСЛИ, СОВЕСТИ, РЕЛИГИИ И УБЕЖДЕНИЙ

Государства-участники будут уважать права человека и основные свободы, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений, для всех, без различия расы, пола, языка и религии.

Они будут поощрять и развивать эффективное осуществление гражданских, политических, экономических, социальных, культурных и других прав и свобод, которые все вытекают из достоинства, присущего человеческой личности, и являются существенными для ее свободного и полного развития.

В этих рамках государства-участники будут признавать и уважать свободу личности исповедовать, единолично или

совместно с другими, религию или веру, действуя согласно велению собственной совести. Государства-участники, на чьей территории имеются национальные меньшинства, будут уважать право лиц, принадлежащих к таким меньшинствам, на равенство перед законом, будут предоставлять им полную возможность фактического пользования правами человека и основными свободами и будут таким образом защищать их законные интересы в этой области.

Государства-участники признают всеобщее значение прав человека и основных свобод, уважение которых является существенным фактором мира, справедливости и благополучия, необходимых для обеспечения развития дружественных отношений и сотрудничества между ними, как и между всеми государствами.

Они будут постоянно уважать эти права и свободы в своих взаимных отношениях и будут прилагать усилия, совместно и самостоятельно, в сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций, в целях содействия всеобщему и эффективному уважению их. Они подтверждают право лиц знать свои права и обязанности в этой области и поступать в соответствии с ними. В области прав человека и основных свобод государства-участники будут действовать в соответствии с целями и принципами Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека. Они будут также выполнять свои обязательства, как они установлены в международных декларациях и соглашениях в этой области, включая, в том числе Международные пакты о правах человека, если они ими связаны.

СОДЕРЖАНИЕ

Переправа на остров свободы	2
Карцерова соната «Перми-35»	6
Двойное дно зеркала истории	12
С небес – на землю	19
Рычаги гражданской власти	22
Власть кольца	26
Испытание свободой	32
Вольные каменщики перестройки	36
А не приобрести ли нам маленький кирпичный заводик?!	43
Единство в многообразии	46
Гитары в бараках	50
Гражданин музыкант	54
Двадцатый век прошел	59
История лагеря «Пермь-36»	64

Журнал «Человеческое измерение» №3, декабрь 2011 г.

Учредитель: Уполномоченный по правам человека в Пермском крае.

Руководитель проекта, главный редактор: Елена Веселкова.

Дизайн, верстка: ООО «Соломон».

Корректор: Ольга Поносова.

Тексты: Елена Веселкова, Антонина Невоструева, Ольга Поносова, Константин Кякинен.

Тексты стихов: Тимур Шаов, Юрий Шевчук, Михаил Мейлах, Наталья Горбаневская, Тимур Кибиров, Юлий Ким, Сергей Малашенок.

Источники: http://shaov.net/All_Shaov_songs.htm#23

http://webkind.ru/text/3205145_98083142p70229429_text_pesni_novaya-rossiya.html

<http://www.lifeart.narod.ru/nom37/performance37-16.html>

<http://ru-lyrics.livejournal.com/1227106.html>

http://modernpoetry.ru/main/kibirov_izbrannoe.html

<http://www.topos.ru/article/poeziya/k-voprosu-o-chastnoi-zhizni-v-rossii>

http://www.shansonprofi.ru/archiv/lyrics/kim/p10/kim_kratkiy_istoricheskiy_obzor_.html

На обложке: Виктор Шмыров, Сергей Ковалев, Владимир Лукин, Арсений Рогинский, Алексей Симонов, Татьяна Курсина, Михаил Федотов

Фото: Анатолий Зернин, Сергей Копышко, Елена Веселкова, Алексей Бурков, Николай Кириллов.

Использованы фотоснимки: архива аппарата Уполномоченного по правам человека в Пермском крае, Государственного архива Пермского края.

Адрес редакции: 614006, г. Пермь, ул. Ленина, 51, оф. 223.

Контакты:

Главный редактор: eveselkova@mail.ru 8-922-242-1006 ICQ 615890731

<http://www.facebook.com/profile.php?id=100001669574489>

Пресс-служба Уполномоченного по правам человека в Пермском крае:

тел. (342) 217-76-50, pressa@uppc.permkrai.ru

Интернет-площадки журнала: <http://ombudsman.perm.ru/journ/>

<http://ombudsmanperm.livejournal.com> <http://vkontakte.ru/feed#/club27348148>

Подписано в печать: 25 ноября 2011 года.

Отпечатано: ООО «Типография «РАСТР»», 614990, г. Пермь, ш. Космонавтов, 111, кор. 43.

Тел: (342) 218-24-40; тел./факс: (342) 257-08-54.

Заказ № 2120

2

23

14

47

55

35

26

38

ПЕРЕПРАВА НА ОСТРОВ СВОБОДЫ

УНИКАЛЬНЫЕ БАРАКИ

– Виктор Александрович, вы мечтали стать музейщиком ГУЛАГа?

– Конечно, никакой мысли о музее не было. Наоборот, мне светила замечательная академическая перспектива – работа в Институте истории Академии наук. Я мечтал заниматься наукой – историей России средних веков. При этом полтора десятка лет был активистом Всероссийского общества охраны памятников истории культуры. Я прекрасно понимал ценность раритетов, осознавал, как эти ценности исчезают, если за ними никто не доглядывает. И вот в 1992 году я увидел «Пермь-36». Замечу: до этого момента я видел доста-

точно большое количество лагерей и во многих бывал: в Нырблагае, Усоллагае, Ивдельлагае, в лагерях республики Коми. А этот лагерь меня поразило своим архаизмом, я таких построек не видел нигде. Везде другие, везде современные, а тут – древность. Подумал: наверное, этот лагерь сохранился со времен ГУЛАГа, и, наверное, таких мест в стране немного, и, наверное, это важно. Очень скоро выяснилось, что это действительно уникальный лагерь, второго такого нет. Где-то на Колыме стоят еще в тайге бараки, но они сгнившие насквозь, их не восстановить. До этого я пытался охранять храмы, археологические памятники и совсем не думал, что буду заниматься ГУЛАГом.

Любой сильный бренд держится на нескольких китах: личности, которая его воплощает, миссии и... ауре, легенде, витающей вокруг него.

Один из самых сильных брендов Пермского края – Мемориальный музей политических репрессий «Пермь-36» – держится, безусловно, на личностях, главная из которых – его бессменный директор **Виктор Шмыров**.

Много у музея и своих легенд. Они создавались по мере того, как развивался музей. Виктор Александрович дал нашему журналу ретроспективное интервью.

ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ ШМЫРОВ

Родился 20 декабря 1946 года. В 1975 году окончил исторический факультет Пермского государственного университета. Кандидат исторических наук (1980), доцент (1989). В 1974–1982 годах – директор Чердынского краеведческого музея. С 1982 по 1993 год – старший преподаватель, декан, Пермского пединститута. С 1996 по настоящее время – директор Мемориального музея жертв политических репрессий «Пермь-36».

Награды: медаль ордена «За заслуги перед отечеством» II степени, медаль «Спешите делать добро» Уполномоченного по правам человека в РФ, знак «Общественное признание жителей города Перми», знак «За права человека» Уполномоченного по правам человека в Пермском крае; лауреат премии «За права человека» Международного фестиваля фильмов о правах человека «Сталкер»; лауреат премии «За подвижничество» института «Открытое общество» (Фонд Сороса), лауреат Строгановской премии.

ПЕСНИ НА БРЕВНАХ

– Форум «Пилорама» стал визитной карточкой музея. Этот проект развивался вместе с музеем или у него своя жизнь?

– Первая «Пилорама» была посвящена 10-летию открытия музея. Партнеры настояли, сказали: «Это не личное ваше дело, дело важное, общественное, будьте добры отметить».

Но не хотелось речей, поздравлений, всякой этой глупости. Пригласили знакомых нам бардов: **Александра Городницкого, Юлию Киму, Максима Кривошеева**. Пели песни целый день. И получилось замечательно. Сцены еще не было. Пели на платформе пилорамы, где заключенные когда-то разбирали на доски распиленные бревна.

На следующий день после юбилейного концерта у нас было заседание правления. Туда пришел Александр Городницкий и сказал: «Я председатель Грушинского фестиваля, но уже много лет на него не езжу. Бардовская песня заруливает в шансон. Я это слушать не могу. У вас лучше, давайте здесь делать каждый год фестиваль авторской песни гражданского содержания». На второй год коряво по-

Татьяна Курсина

Ральф Аппельбаум

лучилось. На следующий год – лучше. И пошло. А название придумал **Олег Ощепков**, когда был вице-губернатором. Он приехал, посмотрел, ему все очень понравилось. Говорим ему: «Вот думаем, как назвать». А он: «Пилорамой и называйте».

– Но ведь и фестиваль бардовской песни в какой-то момент перерос сам себя. «Пилорама» начала плодить форматы: театр, кино, дискуссии...

– Это произошло на третий год, когда мы начали понимать, что настоящих бардов, которые поют по делу, по пальцам можно пересчитать. Мы начали понимать, что нужно что-то еще. Так у нас появился Александр Филиппенко, которого позвал Алексей Симонов. В течение первых трех лет «Пилорама» не выходила за пределы зоны. Кстати, вход туда был по билетам. Все мероприятия проходили в один день. Палаточный лагерь и сцена «Боярка» появились в 2008 году, когда мы почувствовали, что интерес к форуму растет.

– Седьмую «Пилораму» многие отмечают как особую. Вы тоже чувствуете, что она была особой, переломная, пиковая?

АВГУСТ 1991 ГОДА. УРОК МАХАТМЫ ГАНДИ

ВИКТОР ШМЫРОВ,
директор Мемориального музея политических репрессий «Пермь-36»:

– 19 августа я бросился к зданию обкома партии. Там шел митинг. На уровне второго этажа правительственного здания был полубалкончик. На этой площадке стояли ораторы, среди которых был Владимир Винниченко. Внизу – несколько сотен людей. Винниченко меня увидел и говорит: «Ты знаешь что-нибудь о гражданском неповиновении?» Я ответил, что читал про Махатму Ганди, который использовал эту протестную форму. Володя мне: «Наверняка ГКЧП победит, не теряй время, иди в библиотеку и подготавливай концепцию гражданского неповиновения. Нам останется только это». И я ушел в библиотеку, где, зарывшись в книги, провел три дня. Составил инструкцию, что можно делать в условиях ненавистного режима.

– В 2011 году у нас полностью сложился дискуссионный блок. До этого мы не четко представляли, какие темы могут звучать во время форума, куда съезжается огромное количество людей. Нам казалось, что на «Пилораму» приезжают люди не беседовать, а просто что-то слушать. Но мы, наконец, поняли, что важно найти хороших говорунов, умников. И все поучилось. По общему мнению постоянного круга наших участников, ничего подобного в России нет, так свободно говорить негде.

ПЯТЬ СТРАТЕГИЙ

– Как будет дальше развиваться музей и форум «Пилорама»?

– Мы выработали пять стратегий. Первое. Чтобы музей достался нашим потомкам, он должен приобрести серьезный статус – стать памятником Всемирного наследия ЮНЕСКО. Перед этим нужно закончить крупные восстановительные работы. После чего шаг за шагом идти к намеченной цели. Сначала надо подать документы в Министерство культуры России, чтобы получить статус памятника федерального значения, потом – на памятник ЮНЕСКО. Начало этому процессу

было положено пять лет назад. В 2006 году памятником ЮНЕСКО стал Аушвиц, в 2010 году этот статус получили одиннадцать мест бывших каторжных лагерей Британии в Австралии. Теперь мы будем этого добиваться. Это даст очень серьезную защиту музею на международном уровне. Это гарантия сохранности объекта, не только на десятилетия, а на столетия. Если что-то будет угрожать музею, международная общественность и ЮНЕСКО вступятся.

– Вы входите в рабочую группу по разработке программы «Об увековечении памяти жертв политических репрессий». Программа обсуждалась на одной из дискуссионных площадок. Это как-то связано с развитием музея?

– Да, непосредственным образом. Михаил Александрович Федотов, который продвигает программу, включил меня в этот список, для того чтобы придать нашему музею статус памятника политических репрессий. Как только программа будет принята, музей приобретет национальный статус. Наша цель – выйти на уровень федеральной известности. Если говорить откровенно,

у нас музея, по сути, нет, есть зона, восстановленный лагерь, куда ходят люди. А экспозиций практически нет. Есть просто выставки. И мы осознанно ничего не трогаем, потому что реконструкция – дело профессионалов. Такие профессионалы нашлись. К нам поступило безумно интересное предложение от фирмы «Ральф Аппельбаум». Ею созданы все лучшие исторические музеи мира. Они для нас сделали предпроектную разработку, то есть они готовы шаг за шагом, не спеша, в течение пяти лет работать с нами. Глава фирмы **Ральф Аппельбаум** в письме губернатору Пермского края **Олегу Чиркунову** написал, что в XX веке мир пережил три страшные катастрофы, первая – Холокост, вторая – ГУЛАГ, третья – Хиросима. Он построил музей Холокоста, и уже построил музей Хиросимы, и очень хочет построить музей ГУЛАГа. Губернатору идея очень понравилась, он сказал, что будут искать возможности финансирования. Если будет создана экспозиция, то это будет музей не только национального значения, но и

всемирной известности. Это вторая стратегия.

– Виктор Александрович, я знаю, что в ведение музея отдано еще одно здание – бывшего психоневрологического интерната, расположенного вблизи зоны. Что вы там хотите делать?

– Создавать международный центр культуры демократии. Шаг за шагом будем там проводить реконструкцию. Там будут конференц-залы, жилые комнаты для курсантов. В этом проекте нашим российским партнером выступает **Елена Немировская**, директор Московской школы политических исследований. Кстати, учебная программа музея существует уже сейчас. Каждый год проводятся школы музеологии, семинары для учителей истории, арт-лаборатории. То есть это будет расти, расти, расти. Это третья стратегия. Четвертая – туризм. Уже сейчас, по мнению туроператоров Пермского края, мы делим с Кунгурской ледяной пещерой 1–2 место. Задача идти дальше – сделать музей уральской туристической Меккой. И, наконец, пятая

стратегия – форум «Пилорама».

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

– Какую роль играет в жизни музея Уполномоченный по правам человека в Пермском крае Татьяна Марголина?

– Татьяна Ивановна – наш ангел-хранитель. Мы встретились в 2001 году, когда она стала вице-губернатором, мы тут же стали союзниками. Сначала она нас поддерживала в Астафьевских чтениях, потом в других проектах. Татьяна Ивановна помогала нам по кабинетам пробиваться, деньги добывать, она ездила с нами выставки экспонировать. Помню, как воскресным вечером в здании Сената США мы путешествовали как миты подземными переходами, катили на тележке экспонаты выставки, потом эту выставку собирали. Клеили подиумы, Татьяна Ивановна делала это ловчее всех. Музею вообще везет на помощников. За все годы, что я здесь работаю, было всего три-четыре открытых противника нашего дела. Музей состоялся, потому что ему

все время помогало огромное количество людей.

– Каким Вы видите музей через 20 лет?

– Я могу сказать, что будет через пять лет. Будет вся работа центра культуры демократии, система выставочных залов, сервисный центр. У нас есть для этого помещения, идеи, люди. Деньги будем искать. Ну, а через 20 лет... Мечтаю, чтобы вокруг музея круглый год кипела бурная, активная жизнь. Чтобы приезжала молодежь, разбивала палаточные лагеря. Чтобы с молодежью общались правозащитники, лидеры общественных организаций.

– То есть хотите создать гражданский рай?

– Рай не рай, а гражданскую жизнь. Настоящую.

– Это похоже на утопию. Недаром же ваши музей сравнивают с островом.

– А мы и хотели это все делать на острове. Рядом с музеем есть остров Дикий, мы купили на нем землю. Там будет палаточный лагерь. Посторонних людей там не будет, будет мост, переправа.

Маркус Егер (Совет Европы)

Петер Франк (Германия)

Тимен Каувенаар (Голландия)

Манфред Хайнеманн (Германия)

Звелина Бирюкова (Пермь, центр имени Гёте)

Андреас Петерсен (Швейцария)

Карл-Хайнц Циссов (Германия)

КАРЦЕРОВА СОНАТА «ПЕРМИ-35» Георгины у барака

В ИК-35 в 2011 году летом пышно цвели георгины. Созрела клубника. Но гостям, бывшим политическим заключенным – **Михаилу Мейлаху**, **Валерию Смирнову** и **Ивану Ковалеву**, приехавшим в «родные пенаты», предложили не уральские ягоды, а заморский виноград и персики. Гостей принимал начальник колонии, полковник внутренней службы **Владимир Уткин**. В личном кабинете. Милости просили в «тюремные апартаменты» и скульптора-диссидента **Рудольфа Веденева**, а также журналистов, получивших эксклюзивную аккредитацию.

Весь пафос наших действий, весь его смысл сводился к одному: если вам хочется строить вашу тюрьму, вы можете это делать — я не в силах вас остановить, но сам я этого делать не буду. И заставить меня вы не сможете. **Владимир Буковский**

«Кормят в лагере уж, конечно, не деликатесами. Несмотря на все эковские старания по промывке (официально называемой квашенной) капусты, готовое блюдо нередко бывало мясным, то есть попросту с червями. Можно заметить в скобках, что я о таких случаях знал и писал еще раньше, на воле, и это, конеч-

в здешней кузнице. Можно сказать, нелегально. Доска первоначально была размещена на торце здания штрафного изолятора. Кованная разорванная решетка символизировала духовное освобождение человека. Но когда повеяли ветры перемен, политзаключенных освободили. Колония сменила

новый облик доски. Но как это сделать? В ИК-35 кузницы давно нет, там осталась только деревопереработка. Разве что воспользоваться кузнечным производством соседней ИК-10. Дело того стоит. Ведь по числу знаменитостей, отбывавших здесь наказание за диссидентство, «Пермь-35» может сравниться с Владимирским централом. Писатель, политический деятель, ныне гражданин Великобритании **Владимир Буковский**, государственный и общественный деятель Израиля **Натан Шварцманский**, священник-диссидент **Глеб Якунин**... Имя «Пермь-35» не столь на слуху, как «Пермь-36», но, по сути, не менее значимо для увековечения памяти жертв политических репрессий. А по большому счету нужно говорить о треугольнике: ИК-35, ИК-36, ИК-37, где в советские времена был сконцентрирован цвет политзаключенных нашего государства. Это не дурная слава Пермского края, это память и совесть.

ЗАПРЕТНЫЕ КНИГИ

Посетители волнуются. У каждого свое место притяжения: библиотека, промышленная зона, ШИЗО. А вот **Ивану Ковалеву** ни жить ни быть нужно попасть в котельную. Зачем, спрашивается? Да он ради этого сюда ехал из Америки. В котельной 25 лет тому назад он оставил схрон – крамольные записки политического содержания. **Владимир Уткин** отговаривает: ничего там нет, котельную уже несколько раз ремонтировали. Но Ковалева как магнитом тянет в заветное место.

Валерий Смирнов, Иван Ковалев, Михаил Мейлах

но, было одним из пунктов моего обвинения. А как же – клевета!» – вспоминал Иван Ковалев в декабре 1987 года, после пяти лет заключения. Думал ли он, что через четверть века ему вновь доведется здесь столоваться. А потом снова идти за колючую проволоку.

РАЗОРВАННАЯ РЕШЕТКА

Четырехуровневый контроль КПП – позади. Зона. Сидельцы шагают строем, по пять в ряд, не разбегаясь. Куда тут убежишь? **Рудольф Веденев** – прямоком к двухэтажному общежитию. Зовет сотоварищей: смотрите, читайте. Обходя по узкой меже ровные пышные грядки, разбитые у общежития, гости из прошлого подходят к белой стене. В обрамлении стилизованной колючей проволоки слова: «Отсюда уходили на волю последние политические заключенные коммунистического режима». **Рудольф Веденев** как автор мемориальной доски поясняет: это современная в десять раз уменьшенная стилизованная копия. Оригинал он создавал 20 лет тому назад. Ваял прямо в колонии,

профиль. Барак ШИЗО снесли, и решетку потеряли, так что на вновь отстроенном ШИЗО ее не оказалось. Скульптор по этому поводу очень переживал и замыслил восстановить первоначаль-

ЗОНА ВМЕСТО ЛАМПОЧКИ ИЛЬИЧА

В декабре 1920 года на 8-м Всероссийском съезде Советов был принят план ГОЭЛРО, которым на Урале предусматривалось строительство четырех мощных электростанций, в том числе и на реке Чусовой. Война внесла свои коррективы. ГЭС не была построена. Возведенные объекты было решено использовать для создания проверочно-фильтрационного лагеря. С этого момента начинается история нынешней ИК-35 ГУФСИН России по Пермскому краю.

На базе проверочно-фильтрационного лагеря был организован Понышский исправительно-трудовой лагерь, а еще чуть позже исправительно-трудовая колония № 10 с лимитом наполнения в 800 человек. За прошедшие годы ИК-35 не раз меняла свое название, исчезло большинство лагерных пунктов, а на месте жилых бараков для раскулаченных спецпереселенцев и центрального лазарета для заключенных появился поселок Центральный.

Юридическую самостоятельность ИК-35 получила в 1963 году (называлась она тогда ИТК-34). В 1967 году – еще одна реорганизация: ИТК была преобразована в воспитательно-трудовую колонию для несовершеннолетних. Но и малолетки содержались здесь недолго. В 1972 году колония стала принимать особо опасных государственных преступников. Одну часть составляли уголовники, другую – политические. Последняя реорганизация в ИК-35 произошла в 1999 году, когда колония строгого режима была репрофилирована в колонию особого режима.

МОСКОВСКАЯ ХЕЛЬСИНКСКАЯ ГРУППА

В Хельсинки 1 августа 1975 года завершилось совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. В нем принимали участие главы всех европейских государств, (за исключением Албании), а также США и Канады. Московские правозащитники Юрий Орлов, Андрей Амальрик, Валентин Турчин, Анатолий (Натан) Шаранский пришли к идее создания независимых общественных объединений по контролю выполнения гуманитарных статей Хельсинкских соглашений. 12 мая 1976 года на пресс-конференции, организованной на квартире академика Сахарова, было объявлено о создании Московской Хельсинкской группы.

МХГ стала принимать от граждан СССР информацию о нарушениях гуманитарных статей Хельсинкских соглашений, составлять на этой основе свои документы. Все документы МХГ направлялись по почте в канцелярию Президиума Верховного Совета СССР и в московские посольства стран-участниц Хельсинкских соглашений, а также передавались иностранным корреспондентам на пресс-конференциях.

В советской печати началась против МХГ кампания. Последовали аресты членов группы и вынужденная их эмиграция. В общей сложности члены МХГ по приговорам советских судов должны были отбыть свыше 60 лет лагерей и 40 лет ссылки. В сентябре 1982 года было сделано заявление о прекращении работы Группы.

28 июля 1989 года МХГ была восстановлена. Председателем МХГ является Людмила Алексеева. Сегодня в группу входят Валерий Абрамкин, Валерий Борщев, Вячеслав Бахмин, Сергей Ковалев, Генри Резник, Лев Пономарев, Глеб Якунин, Борис Альтшулер, Иосиф Дядькин, Борис Золотухин, Виктория Маликова, Каринна Москаленко, Мара Полякова, Сергей Сорокин, Георгий Эдельштейн, Сергей Пашин, Алексей Симонов, Александр Петров, Владимир Миронов.

Через несколько минут выходит с пустыми руками.

Теперь куда? Давайте в клуб – предлагают бывшие политзеки. Заходим. В зале сумрачно. Не от тусклого света, хотя он именно таков. Нет, тут другой сумрак. Это мощная цветовая рефлексия от одежды осужденных. Мимо людей в черном, сидящих перед телеэкраном, проходим в библиотеку. Там очень тесно. Заведующий интеллектуальной кельей показывает книги. Рудольф Веденеев и тут выполняет особую миссию – передает в дар очагу культуры две большие сумки с книгами. Собрания сочинений русских классиков и полезные книги о ремеслах. Мейлах, Смирнов и Ковалев берут с полка тома и зависают, как истинные гурманы духовной пищи.

За пристрастие к писательству и чтиву в свое время они и поплатились. Первый подготовил собрание сочинений Хармса и других обэриутов, которые отрицали традиционное искусство,

культивировали алогизм, поэтику абсурда. Был осужден за распространение антисоветской литературы. Второго арестовали за то, что бежал за границу, а потом вернулся к семье. Был обвинен в шпионаже. Иван Ковалев, не раздумывая, пошел по стопам отца, известного правозащитника **Сергея Ковалева**. Был активным участником Московской Хельсинкской группы, соиздателем неподцензурных информационных бюллетеней «Хроника» и «В», собирал и распространял информацию о нарушениях прав человека в СССР.

ЛЮДИ ЗНАНИЙ

Еще древние говорили, что самое сильное оружие – это знания. Власть знающих людей всегда преследовала, просвещение народа крайне ей невыгодно, оно мешает управлению и подавлению, потому что знания делают людей свободными, а значит, способными к самоуправлению. В лучшем случае носителей знаний кидали за решетку, в худшем – убивали. Так расправились с **Пушкиным, Лермонтовым, Мандельштамом, Бродским** и многими другими.

Есть ли среди сегодняшних особо опасных преступников особого режима ИК-35 люди, которых можно назвать интеллектуалами, людьми просвещенными? Вряд ли такие найдутся. В основном это лица, по несколько раз осужденные за убийства, распространение наркотиков, мошенничества в особо крупных размерах. Некоторые из них тоже любят писать. Длинные жалобы. Но содержание этих петиций в основ-

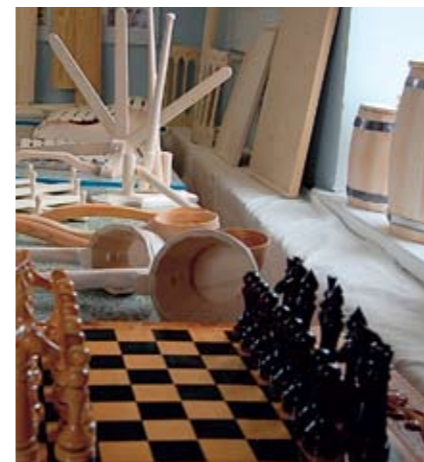
ном касается условий содержания. Не политики. Нет здесь политзаключенных. И не только из-за утратившей силу пресловутой статьи 70 Уголовного кодекса РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда с целью подрыва или ослабления Советской власти». Сейчас за призывы не сажают. Сейчас все намного изощренней. Узники совести мотают сроки за налоговые преступления. Как Михаил Ходорковский. Он обычный осужденный по уголовной статье и сидит с такими же. Но человек знаний остается таким везде и всегда.

Он пишет очень пронзительные истории о соседях по камере. Публикует на сайте The New Times.

В ТОПКЕ

В «Перми-35» в 80-е годы прошлого столетия тоже был человек знаний. Это писатель Анатолий Марченко. «Что для начинающих эзков, что для бывалых Толя служил своего рода нравственным ориентиром. Про Толю знали, что он известный правозащитник, писатель, книги которого напечатаны в разных странах. Но определяющим было другое – его простота, отзывчивость и неизменная достоинность. Работал Толя кочегаром в котельной. Как и все, что он делал, работал основательно, на совесть. И эски в ШИЗО (штрафной изолятор) или ПКТ (внутренняя тюрьма колонии), и надзиратели в своих дежурках, да, наверное, и их семьи в поселке, который отапливался той же котель-

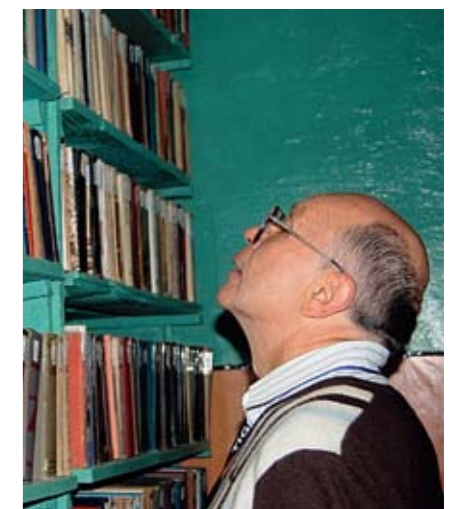
ной, – все знали, когда топил Марченко: просто было заметно теплее, чем в смену кого-то другого. Находил он время и книжки почитать. Толя, уткнувшийся нос в учебник английского языка, был частью пейзажа колонии», так писал в своих воспоминаниях о товарище Иван Ковалев. Анатолий Марченко умер как мученик. В 1983 году произошло роковое для него событие. Он попал в ШИЗО. Там его жестоко избили за неповиновение – отказ идти в камеру без книг. Последствия избиения были очень серьезные: постоянные головные боли и боли в печени. Этот случай стал предметом внимания генпрокуратуры, откуда в «Пермь-35» приезжал следователь **Щербаненко**.

В августе 1986 года Анатолий Марченко начал длительную голодовку. Он добивался справедливого разбирательства своего дела и освобождения всех политзаключенных. 8 декабря он погиб. Трагично. И символично. Именно в 1986 году по инициативе первого президента Советского Союза Михаила Горбачева в нашей стране началось массовое освобождение политзаключенных. Во время перестройки при решающем участии Сергея Ковалева был существенно изменен в сторону более гуманного содержания Кодекс ИТК (Уголовно-исполнительный кодекс), например, голод и холод в карцере были запрещены.

ВРЕМЯ ВСПЯТЬ

– А теперь куда? В ШИЗО? – спрашивает Владимир Уткин. Куда же еще! Это же «святая святых». А вот и свободная

камера, где можно расположиться. Тут чисто. Стены побелены, решетки и нары покрашены, алюминиевый чайник хоть и не блестит, но чист. Сидельцы признают: в их время многое было по-другому. Вот как было: «...Цементные стены и цементный пол. Стены покрыты цементной «шубой» – острыми выступами, буграми. Пол грязный, сырой. Полуметно. Электрическая лампочка в нише стены загорожена железным щитком с дырочками. В глубине метровой стены слепое окно, часть стекла разбита, и окно заклеено обрывками газет. Сидеть практически не на чем. Имеется специально оборудованный выступ стены: вертикальный полуцилиндр, окованный по краям железом, сверху покрытый доской. Сидеть на таком сооружении невозможно: быстро перенапрягаются и начинают болеть мышцы ног и спины, в спину вонзаются острые бугры цементной «шубы». На ночь втаскивается топчан – невысокий деревянный ящик, перевернутый вверх дном (иногда дно пересечено железными полосами). Можно лечь на голые доски и железо. Но холод не дает спать. Часто невозможно даже лежать. Пронзительный холод заставляет все время двигаться. Имеется унитаз – открытый слив без

сифона. Сильная вонь. В ряде карцеров канализации нет, стоит «параша». Это выдержка из документа № 3, подготовленного Московской Хельсинкской группой в 1981 году. Такими были карцеры Владимирской тюрьмы. Пермские тюремные камеры ничем от них не отличались.

Какие эмоции испытывают гости колонии, сидя сейчас на чистеньких нарах как бы понарошку? Вспоминают ли те длинные ночи и дни, когда на собственной шкуре испытывали смертельный холод? Понарошку. Но как знать, как знать...Никогда не говори никогда. В 1991 году, после победы демократов над путчистами, возврат в прошлое

был немислим. А через 20 лет мы видим выворотку. Странное и пугающее дежавю. В колониях цветут георгины, поспевают клубника, а как-то не по себе... особенно, когда мимо клумб строем проходит отряд людей в черном в сопровождении людей в синем с красными погонами. Время в такие минуты странным образом течет вспять, в прошлое. За что бы такое глазом и разумом зацепиться, чтобы развеять смутные сомнения?

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Вот красивые предметы. Полированная мебель, поделки. Они аккуратно расставлены для рекламы. Это образцы производства. Они сделаны на пилораме ИК-35. По правде сказать, это учреждение можно назвать образцово-показательным. Здесь и условия содержания, по современным российским меркам, приличные, и производство как часы работает – переработка древесины почти безотходная. В общем, пенитенциарной системе Пермского края есть чем гордиться. Если вообще можно такими учреждениями гордиться. Кстати, у колонии есть еще одно примечательное место. Туда наша делегация и направляется. Это, так сказать, финальный этап. Это место – уже на свободе, в поселке Центральный. Мы – в музее ИК-35. Если сказать, что это место уникальное, значит, ничего не сказать. Три маленьких комнаты вместили микросмос. Всю жизнь колонии с момента основания до на-

ших дней. Причем поражает не только огромное количество подлинных экспонатов, сколько дух этого места. Исторический концентрат создал и охраняет бывший руководитель службы контролеров, а ныне председатель совета ветеранов колонии **Владимир Кургузов**. Владимир Кириллович с распростертыми руками встречает экскурсантов. Смотрит внимательно: «Нет, не узнаю! Хотя постойте, кажется, припоминаю... Иван Ковалев? Какие годы? Восьмидесятые? Да, да... Ты в то время самый молодой был...»

МУЗЕЙНЫЙ ЭКСПОНАТ

Человеческая память – сложный, тонко организованный механизм. Иногда она ставит защиту, отправляя в дальние архивы прошлые события, а в какой-то момент, когда срабатывает пуск, выдает на поверхность слои за слоями. Музей «Перми-35» – такое место, где память просыпается. Кажется, в костюмах НКВД-шников живут духи тех, кто когда-то ходил по периметру и сторожил вольнодумцев. Непосвященному старая толстая тетрадь ни о чем не скажет, но знающие, прикоснувшись к ней, развернут страшный свиток – летопись жестоких наказаний и протестов. А вот под стеклом – совершенный алмаз. Его и не сразу заметишь. Это чудом сохранившиеся записочки политзэков. Хозяину музея не терпится похвастать «артефактами».

Михаил Мейлах, Валерий Смирнов, Иван Ковалев передают из рук в руки

запаянные в пластик испещренные мелким почерком полоски папиросной бумаги. Без увеличительного стекла ничего разобрать невозможно. Но вот Ковалев, сощурился, читает: «...противоречит духу и букве Всеобщей декларации ООН о правах человека. Но и не будь этой декларации ООН, то и тогда я никогда не позволю кому бы то ни было силой контролировать, направлять мою духовную и культурную жизнь, грабить в моем доме мой (и членов моей семьи) письменный стол, книжные полки...»

Чей почерк, неужели мой? Похож. Но надо проверять. А где нашли «малявы»? В котельной, во время ремонта? Так что же вы раньше не сказали!

Владимир Кургузов

А у сидельцев так горят глаза, будто нашли клад. Да это клад и есть. Этот свиток из прошлого. Валерий Смирнов вспоминает, как во время его отсидки приезжали конгрессмены из Америки и как им крутили руки, отнимая записки. Граждане начальники ухмыляются. Эх, жаль мало времени! Расшифровать бы до конца записки... Сделайте хотя бы ксерокопию! Нескольких белых листов с черными оттисками сидельцы прячут в карманы. И – прочь отсюда.

РАСШИФРОВКА

Но все-таки кто автор послания и что в нем еще? Трудная работа – расшифровка. Буквы то проявляются, то исчезают. Игра в бисер. Вот текст того самого заявления о правах человека, которое было прочитано в музее. Есть подпись. Четкая: з/к Марченко. Рваная, с многочисленными лакунами расшифровка летит по электронной почте Ивану Ковалеву в Америку. Он на другом конце земли тоже вглядывается в буквы-бусины. И шлет ответное письмо: «Кандидатов на авторство три: Толя, я, и Андрей Шилков. Паша Марченко (сын Анатолия) прислал мне образцы Толиного почерка – нет, не его рука. Насчет себя я сомневаюсь (помню, что почерк пытался менять, некоторые пометки в тексте знакомы). В итоге на сегодня следует считать, что это Андрей Шилков, а уточнить можно будет, если добыть образец его почерка и сравнить все три».

Думаешь, дошел до точки. А оказывается, ты в самом начале. Дорога неблизкая из прошлого – в будущее. Но чтобы пройти этот путь, нужно до конца расшифровать послание. А за колючей проволокой пусть цветут георгины.

ПОСЛАНИЕ АНАТОЛИЯ МАРЧЕНКО

Фрагмент расшифрованной записки из музея ИК-35

«...Считая себя человеком свободным, я и впредь не намерен ограничивать свою духовную и культурную жизнь статьями УК, лишаящими меня гражданских и политических свобод. //Участковать же в следствии по обвинению кого бы то ни было по статье 70 УК РСФСР считаю делом постыдным и недостойным. //Данное заявление является моим ответом на все вопросы следствия пройденного этапа и на будущее. // Поскольку деятельность КГБ (как и вся жизнь в стране) контролируется и направляется КПСС, и председатель КГБ СССР Андропов в то же время является членом Политбюро ЦК КПСС, то я считаю преступными обе эти организации. Считаю КГБ и КПСС организациями ... современных ...сов.//

Отличие современных опричников от их предшественников лишь в том, что те уродовали совершенство природы – красоту человеческого тела, а современные пытаются уродовать разум человека и его душу. Это одна из самых мрачных и жутких реалий средневековья, чудовищное ремесло вырождков рода человеческого, взята на вооружение современным государством, возведена в СССР в ранг государственной политики, в средство управления народом. // Я родился и вырос при социализме, но меня никогда не прельщали его прелести. Они мне чужды и омерзительны сегодня. Помесь бевсовщины и достоевщины и сатиры Щедрина в эпоху НТР – вот какой видится мне физиономия социализма. И это лишь смутные контуры «светлого будущего» всего человечества, цветочки марксистского эксперимента в СССР. Действительное же назначение статьи 70 УК РСФСР в том, чтобы законно ликвидировать свидетельства преступности КГБ и КПСС и чтобы законно ликвидировать политическую оппозицию в стране».

Пермь. День памяти жертв политических репрессий. 2011

ДВОЙНОЕ ДНО ЗЕРКАЛА ИСТОРИИ

На форуме «Пилорама-2011» директору Мемориального музея истории политических репрессий «Пермь-36» **Виктору Шмырову** журналист **Андрей Никитин** подарил большое старинное зеркало. Оно висело у него на даче в узком коридорчике много лет и вдруг сорвалось с гвоздя. Не разбилось. Картонная подкладка только выпала. И оттуда вышел... он. Его портрет все время был по ту сторону и вдруг ожил.

суд без присутствия обвиняемого – неконституционно. И так, предварительные слушания начались. В павильоне № 2. В качестве условных обвинителей выступили российские гражданские лидеры и политические деятели: председатель Совета при Президенте России по развитию гражданского общества и правам человека **Михаил Федотов**, Уполномоченный по правам человека в России **Владимир Лукин**, пермский омбудсман **Татьяна Марголина**, председатель правления международного общества «Мемориал» **Арсений Рогинский**, директор Института прав человека **Валентин Гефтер**, председатель Фонда защиты гласности **Алексей Симонов**. Текст «обвинения» представлен в форме программы «Об увековечении памяти жертв политических репрессий». Государство в лице действующего президента Дмитрия Медведева к программе отнеслось лояльно. Документ был ему представлен 1 февраля 2011 года в Екатеринбурге.

МОЛОЧНАЯ МАТЬ ПРАВОЗАЩИТНИКА
Дух зазеркалья, доселе молчавший, возмутился. Он заговорил устами члена всероссийского общественного

движения «Суть времени» Гурьянова. Активист категорически не согласен с тем, что вся история нашей страны XX века – это российская катастрофа, что Советский Союз – это преступное государство. Он возмущен тем, что авторы хотят выкинуть на свалку вождей революции. Годы их правления – это разве не история? И разве победа в Великой Отечественной войне – это не блистательная страница? Дух знал, куда надо бить. Пусть сто раз его отринут, отрекутся от него, а он все равно живет. И даже крепче становится. По закону отрицания отрицания. Диалектика. Марксова.

Зеркало задрожало. Страшно в него смотреть. Очень страшно. Но куда от него скроешься, если в свое время, в 1953 году не сожгли дотла? **Владимир Лукин** постарался оттереть отражение от черноты. Он рассказал о своей семье. Его родители были организаторами комсомола, боролись с Деникиным. Потом мать с отцом были арестованы. Будущему правозащитнику на ту пору было две недели. Соседка, Зинаида Ивановна, у которой тоже на днях родился ребенок, услышала плач и взяла маленького к себе. Одной грудью

ДИКТАТОР В ЗОНЕ

Это был Сталин. Он всегда был с нами. Смотрел на нас, а мы на него. И вот решил выйти из зазеркалья. Он решил заявить о себе во весь голос. В канун двадцатилетия ненавистной ему новой России. Он пришел в зону, которую сам когда-то создавал, в образе молодых людей и их вожжа с фамилией, созвучной бесу. Он разбил лагерь, развесил плакаты и размножил свои портреты. И прямо заявил: я пришел вредить. Он знал, куда идет. И знал зачем. Ему доложили: намечается суд над ним. И он решил сорвать процесс. Самое интересное, что его пустили, несмотря на строгий запрет устава форума пропагандировать его идеи. Потому что иначе был бы погран закон: вершить

кормила своего, второй – приемыша. До тех пор, пока не приехала бабушка из Москвы и не забрала малыша. Муж этой сердобольной соседки был секретарем райкома комсомола, она – работник КГБ. Мужа арестовали, а ее нет. Владимир Петрович считает свою историю типичной. Историю России, которая складывается из множества конкретных судеб, нельзя выкрасить в один цвет. Она – разная: сильная, мощная, могучая, героическая и в то же время страшная и жестокая. «Но мы чего хотим, – обратился к аудитории Владимир Лукин, – знать факты или создавать мифы? Давайте помянем настоящих, а не вымышленных героев, предпримем усилия для этого. И нам с вами станет жить лучше. И на этом мы, пожалуй, можем сойтись друг с другом».

УЧЕТНЫЕ КАРТОЧКИ ТЕРРОРА

А чтобы знать правду, создатели программы предлагают войти в зеркало – рассекретить архивы. **Валентин Гефтер** считает эту проблему ключевой. В 90-е годы многое было поднято на свет. Но в 2004 году возникли бюрократические барьеры. Право снимать грифы у архивистов отобрали и передали в Межведомственную комиссию по защите государственной тайны. Инициаторы предлагают все дела, которым свыше 30 лет, вновь отдать на откуп архивам. Бредовый, по их мнению, 75-летний срок секретности снять.

А также внести изменения в законодательство о персональных данных, личной тайне. Право доступа к делам должно быть предоставлено ученым, краеведам, журналистам. В архивах находится несколько миллионов следственных дел, которые являются важнейшим источником истории террора. Сейчас к ним допускают только родственников или доверенных лиц. А где взять доверенность от детей Манделштама, которых нет? **Виктор Шмыров** подчеркнул масштабность задачи. В программе есть пункт о создании единой базы данных «Жертвы тоталитарного режима в СССР». Исходным материалом могут стать учетные карточки заключенных. Таких карточек – миллионы. Чтобы их обработать необходимо, чтобы сотни людей работали несколько лет.

Амальгама посыпалась, красная масса пришла в движение. Красный вожак **Владимир Бессонов**, стоявший в центре, закричал на президиум: «В 90-е годы вы сидели в архивах, когда расследовали дело КПСС, и никаких доказательств репрессий не нашли. В суде ничего не подтвердилось». Молодой сталинист по имени **Александр Анатольевич** усилил скандал. Он как секретарь по идеологической работе Союза коммунистической молодежи Пермского края «ответственно» заявляет: никаких миллионов расстрелянных не было, как и невинных жертв. Это, по его мнению, глобальная историческая

фальсификация. Тоталитарный режим, продолжил оратор, возник из Гражданской войны, а война – из-за реформ...

Так как же все-таки выбраться из кривого зазеркалья? Только факты помогут? **Михаил Федотов** – реальный участник событий, в 1992 году был членом комиссии по рассекречиванию архивов. Он лично ходил в президентский архив и вскрывал папки с разными графами. Оттуда были подняты документы, которые легли в основу судебного постановления в отношении деятельности КПСС. Конституционный суд дал однозначную оценку коммунистическому режиму как репрессивному. Михаил Александрович, не сходя с места, открыл Интернет и зачитал текст Постановления Конституционного Суда РФ, где дана однозначно отрицательная оценка советскому правящему режиму.

Аудитория всколыхнулась, когда с заднего ряда с места поднялся **Анатолий Кононов** – тот самый конституционный судья, что зачитывал постановление против деятельности КПСС. Аплодировали. Пусть и не все. Ему и Сергею Ковалеву, автору Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий», в преамбуле которого также дана отрицательная оценка тоталитаризму. Еще факты? В семитомнике Академии наук «История сталинского ГУЛАГа» говорится, что с 1921 года по январь 1987, когда был освобожден последний политический сиделец, осуждено

Анатолий Кононов

5 миллионов человек, из них 1 100 расстреляны, еще 6800 тысяч депортированы. Эти данные озвучил **Арсений Рогинский**.

Но, как считают составители программы, сегодня нужно идти дальше. Нужно разбивать старые зеркала. Нужна системная политико-правовая оценка тоталитаризма. Наиболее адекватным, как сказал **Валентин Гефтер**, представляется путь судебной оценки. Этот путь предполагает обжалование любым заинтересованным лицом каждого нормативно-правового акта, изданного в условиях тоталитарного режима. Например, могут быть обжалованы **Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» или приказ НКВД «О репрессировании бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»**, в результате которого 800 тысяч человек было арестовано, половина – расстреляна.

ЖЕРНОВА ПЕРЕРАБОТКИ СУДЕБ

Вылей ушат правды на одержимых, они и сгинут? Нет, не уходят. Секретарь по идеологической работе Союза коммунистической молодежи вновь берет слово. Он под шум изрядно разогретой аудитории рассказывает, как общался с жителями близлежащих деревень. Старики рассказывали, что в лагере сидели в основном бывшие власовцы, по-

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ ОТ 30 НОЯБРЯ 1992 ГОДА N 9-П

«В стране в течение длительного времени господствовал режим неограниченной, опирающейся на насилие власти узкой группы коммунистических функционеров, объединенных в Политбюро ЦК КПСС во главе с генеральным секретарем ЦК КПСС... Руководящие структуры КПСС были инициаторами, а структуры на местах – зачастую проводниками политики репрессий в отношении миллионов советских людей, в том числе в отношении депортированных народов. Так продолжалось десятилетиями».

ЗАКОН РФ «О РЕАБИЛИТАЦИИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ» ОТ 18 ОКТЯБРЯ 1991 ГОДА № 1761-1

«За годы Советской власти миллионы людей стали жертвами произвола тоталитарного государства, подверглись репрессиям за политические и религиозные убеждения, по социальным, национальным и иным признакам».

ИЗ КОНЦЕПЦИИ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ «ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ ЖЕРТВ ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА И О НАЦИОНАЛЬНОМ ПРИМИРЕНИИ»

Цели программы:

- модернизация сознания российского общества через признание трагедии народа времен тоталитарного режима, содействие созданию в обществе чувства ответственности за себя, за страну;
- обеспечение поддержки программы модернизации страны со стороны наиболее образованной и активной части населения;
- укрепление объединительных тенденций на территории бывшего СССР и, возможно, бывшего «соцлагеря» – через осознание общности трагического прошлого;
- укрепление международного престижа страны.

Направления программы:

- увековечение памяти о погибших: массовая установка обелисков и иных знаков памяти;
- оказание поддержки живущим среди нас жертвам репрессий;
- рассекречивание архивов.

«Пилорама» – это в каком-то смысле семинар гражданской ответственности. Здесь гражданское общество, не зрелое, не сформированное еще, и от того не умеющее пользоваться добросовестной и точной процедурой общения, вроде бы складывается.

Сергей Ковалев

Пермь. День памяти жертв политических репрессий. 2011

Портрет Сталина из старинного зеркала

память в этом месте. Ей горько, что сохранение памяти о жертвах репрессий – удел одиночек, вроде Рудольфа Веденева, автора памятника Варламу Шаламову в Красновишерске. Память, по ее мнению, требует не просто работы в архивах, но визуализации, вещественности, материализации в ландшафтной культуре городов и районов. Молодое поколение должно это видеть.

ТРЕЩИНА В СОЗНАНИИ

Сложно устроено зеркало. У него есть и двойное и тройное дно. **Алексей Симонов** признался: программа – это не мероприятия, а переустройство наших мозгов. Даже он, до капли выдавивший из себя коммунизм, чувствует, что в глубине его души все еще живет большевик. А большевизм – это две точки зрения: моя и... неправильная. Сидящие рядом согласились с тем, что навязывать программу они никому не хотят. И покаяние – это не массовая акция, а индивидуальный акт. Программа требует широкого обсуждения, над формулировками преамбулы нужно еще очень хорошо подумать. Всем вместе. Но без драки. Миром. Однако чем больше доводов приводили правозащитники, тем яростнее становились их оппоненты. Женский

лица, стукачи. Так прямо и говорили: дали бы нам автоматы, мы эту мразь сами бы расстреляли. То есть расстреляли бы вышеупомянутого Сергея Ковалева, профессора Михаила Мейлаха, священнослужителя отца Глеба Якунина, правозащитника Василя Овсиенко, поэтов Кирилла Подрабиника и Николая Брауна, инженера Калью Мэтик, филолога Габриэля Суперфина и многих других.

Татьяна Марголина вступает в спор. Она находит свое объяснение резкой реакции общества на предложенный проект. Когда человек узнает горькую правду, у него рушатся идеалы. Он испытывает душевную боль, начинает сопротивляться. Это непростые вещи. И они даже решением судов не будут сняты. После опубликования исторической книги о советской Перми «Молотовский коктейль» люди старшего поколения говорили с горечью: представляете, про нашего деда написали, что он сотрудник НКВД, а он для

С 1921 года по январь 1987, когда был освобожден последний политический сиделец, осуждено 5 миллионов человек, из них 1 100 расстреляны, еще 6800 тысяч депортированы.

всех нас был просто дедом. Татьяна Ивановна рассказала еще одну историю. Она живет недалеко от места рядом с СИЗО № 1, которое называется Сквер декабристов. Существует легенда, что во времена ГУЛАГа здесь была площадь, на которую приводили арестованных людей. Их была такая масса, что не помещалась в тюрьму. Люди сутками ждали своей очереди, чтобы попасть в жернова переработки их судеб. А сегодня в этом самом сквере установлены похожие на надгробия клумбы в память о сотрудниках НКВД.

Татьяне Ивановне горько за то, что именно так увековечена историческая

голос выкрикнул: «Почему мы должны каяться и в чем? Это не наши грехи. Мы никого не убивали». Миром не кончилось. Кончилось митингом. Дух, вышедший из зеркала, не хотел проигрыша. И он не хотел единства. Вернее, ему нужно было другое единство. Ему нужно безраздельно править бал. Он хотел оставить последнее слово за собой, поэтому поднял страшный гвалт... Но точку все-таки поставил другой. Уполномоченный по правам человека в России **Владимир Лукин** знал, что делать. Он засветел. Да так громко, что страшное зеркало должно было дать трещину.

С НЕБЕС – НА ЗЕМЛЮ

Чтобы расставить вешки на современном гражданском поле, нужно понять, как видоизменился правозащитный ландшафт, какие процессы произошли за последние 20 лет. Интервью пермского омбудсмана **Татьяны Марголиной** нашему журналу, взятое на форуме «Пилорама-2011», – попытка такого самосознания.

МЕЧТЫ РОМАНТИКОВ

– Чтобы двигаться вперед, иногда полезно вернуться на исходную точку. Татьяна Ивановна, вспомним, каким было гражданское общество Прикамья 20 лет назад.

– Бурляще-активные люди, уверенные, что они могут все изменить к лучшему. Смелые в установлении международных и межрегиональных контактов. Требовательные к органам власти. Самостоятельные. Имеющие большую поддержку и симпатии в обществе. Это было время больших романтических надежд. Собирались целые площади. Именно в то время вышла на гражданскую арену такая организация, как «Мемориал». Она сумела доказать обществу и органам власти необходимость определения официального статуса жертв политических репрессий, обеспечения моральной и материальной

политической поддержки этих людей на законодательном уровне. Не могу не сказать о таких организациях, как Комитет солдатских матерей, Пермский региональный правозащитный центр. Они создали в крае прецедент защиты конкретного человека от неправомочных действий власти. Это были первые правозащитные институты в нашем регионе. Доверие им со стороны общества было очень высоко. Заявило о себе движение экологов, и не только в Пермском крае, но в целом по России. Можно назвать такие организации, как Общественный экологический комитет, Союз «За химическую безопасность». Благодаря активности этих объединений, существенным образом изменилось российское экологическое законодательство. Оно приведено в соответствие с международными стандартами. Именно экологи-общественники добились

от властей переноса из промышленной зоны «Пермь-нефтеоргсинтеза» поселка Первомайский. Люди страдали от вредных выбросов, концентрация которых превышала все допустимые пределы. Сегодня там техническая зона. Сильна была просветительская деятельность некоммерческих организаций, которые давали консультации гражданам по правовым вопросам. Весьма популярным был Клуб избирателей, он работал в сфере избирательных прав граждан.

– Любое дело держится на личности. Кто конкретно тогда проявился, зарекомендовал себя?

– Правозащитному движению в Перми положил начало Игорь Аверкиев. «Мемориалу» – Александр Калих, Комитету солдатских матерей – Людмила Булдакова. Технология конкурса социальных и культурных проектов – результат прямого контакта директора

Уральского центра поддержки некоммерческих организаций Василия Вьюжанина и фонда «Евразия». Теперь эта технология используется и бизнесом, и муниципальными образованияами, и краевой администрацией. Именно по этим технологиям сегодня в России выделяются гранты НКО. Идем дальше, за рамки правозащитной деятельности. Фестиваль документального кино международного уровня «Флаэртиана» – инициатива одного человека, Павла Печенкина. Он был так убедителен, что получал поддержку и общества, и власти. Другой пример, уже из XXI века. Мы уже призывали, что Пермь ассоциируется с именем Пастернака, даже таксисты об этом рассказывают приезжим. А ведь это произошло благодаря инициативе и усилиям двух людей. Со стороны общественности – профессору Владимиру Абашеву, который долго и настойчиво

АВГУСТ 1991 ГОДА. ДЕМОКРАТИЯ АППАРАТЧИКОВ

Татьяна Марголина, Уполномоченный по правам человека в Пермском крае:

– Я была в отпуске в Чусовом. Утром раздался звонок. На проводе были мои единомышленники. Они сообщили о случившемся и попросили подписать письмо против ГКЧП, чтобы опубликовать его в СМИ. Я сказала: да, подписываюсь. Подтвердила телеграммой. В то время в Перми сложилось устойчивое сообщество, которое поддерживало демократические реформы. В 1985 году КПСС разделилась на два крыла: одно – консерватора Ивана Полозкова, другое – реформатора Михаила Горбачева. Мы были в горбачевском крыле. В наш клуб входили практически все секретари по идеологии райкомов и горкома партии. Там был Владимир Горбунов, Лилия Захарова, Николай Яшин, Наталья Мохова, Сергей Булдашов. Научной опорой клуба, его непререкаемым авторитетом был Захар Ильич Файнбург, известный социолог и философ, который имел в советское время негласный статус оппозиционера. Методологической работой в клубе занималась Светлана Минеева. То есть за демократические преобразования выступили и аппаратчики. Тогда в городе многие процессы шли на понимании. У нас не было противостояния правящей партии и желающих демократических изменений. В Перми было именно так.

продвигал эту тему. Но был еще один человек, который поддерживал идею политически – Олег Чиркунов. Очень интересный тандем. Проекты «Дягилевские сезоны», форум «Пилорама» стали брендовыми тоже благодаря конкретным личностям: Георгию Исаакянцу, Раисе Зобачевой, Виктору Шмырову с группой единомышленников, среди которых были Владимир Винниченко, Арсений Рогинский.

Гражданское общество Прикамья по-прежнему держится на инициативах и гражданских практиках – самых разных: и реактивно-протестных, когда жители края с чем-то не согласны, и созидательных, продвигающих, развивающих наш регион и пермское сообщество.

ПРОЕКТЫ ПРАГМАТИКОВ

– Каков сегодняшний портрет гражданского общества? Изменились ли лидеры, их качества?

– Поле граждански активного общества стало значительно меньше. Иных уж нет, а те далече... Но те, которые выжили, выстояли, стали еще более самостоятельными, опытными и профессиональными в такой степени, что готовы к сотрудничеству с органами власти на партнерских основаниях. Но амбиции лидеров гражданского общества имеют и теневую сторону. Между организациями, созданными в 90-е годы, начинается разъединение, конкуренция. Так происходит, например, в движении волонтерства. Традиционные организации

весьма болезненно реагируют на новичков, которые осваивают нишу предволонтерства, работают с людьми, которые проявляют симпатию к движению, но пока не готовы в него активно включиться. Из всей массы НКО выделось порядка 10 организаций, которые являются признанными лидерами. Это гражданская элита. В этом смысле в Перми есть свое садовое кольцо. Однако внутри этого кольца атмосфера становится все более герметичной. Еще одно замечание. В Перми не стало коммуникативной площадки, где бы могли встречаться и представлятели органов власти, и гражданского общества.

– В таком случае, на чем и на ком сегодня держится гражданское общество Прикамья?

– Несмотря на проблемы, оно по-прежнему держится на инициативах и гражданских практиках – самых

разных: и реактивно-протестных, когда жители края с чем-то не согласны, и созидательных, продвигающих, развивающих наш регион и пермское сообщество. Всероссийское общество инвалидов методично занимается контролем доступности социальной инфраструктуры для людей с ограниченными возможностями, экспертную оценку качества власти осуществляет центр ГРАНИ. Активны общества автомобилистов, товарищества собственников жилья. Гражданские инициативы рождаются в среде Интернет. Акции пермских блогеров «Мы скорбим по пермским дорогам», «ДедМорозим» – это совершенно новые технологии. И как всегда, важную роль играют личности. И «патриархи», и молодые, перспективные, как, например, директор АНО «Институт гражданской активности» Зоя Лукьянова. Есть и просто «белые вороны» наподобие пермского пен-

сионера Николая Елисеева, который по собственной инициативе, без поддержки, высаживает елочки в Балатовском парке. Разве это не активность? Гражданское общество в Пермском крае – разное, пестрое, не всегда четко структурированное. Там происходят сложные процессы. Но важно, что эти процессы происходят.

– Наш регион со времен перестройки считался островом свободы. Но иногда кажется, что его смыкает административной волной.

– Не могу сказать, что это остров. В Воронеже, в Красноярске, в Екатеринбурге гражданское общество тоже активно. Если же сравнить нас с нами, мне кажется, сохранилось главное – потенциальная возможность для гражданской активности. Но не могу не признать: появились и опасные явления. Одно из них – политическая ангажированность. Некото-

рые гражданские организации, призванные отражать интересы разных слоев населения, перешли в режим кормления с руки. Они получают финансирование из бюджета за политическую лояльность, идут на экономические сговоры с властью. Другая крайность – политическая стерильность. Наши эксперты из правозащитной сферы долгое время искали разные каналы влияния на власть. А теперь, то ли устав от этого (биться в эту дверь действительно сложно), то ли разуверившись, они приняли решение: мы вообще не сотрудничаем с властью. А мне представляется, что в крае не исчерпан ресурс взаимодействия власти и НКО.

ЦЕЛИ ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ

– Есть мнение другое: общественные организации слишком приблизились к власти: претендуют на госзаказы, хотят получить го-

сударственные должности. Вообще, очень жаждают власти. Это, в принципе, совместно с горизонтальной природой правозащитной деятельности?

– Не могу согласиться с такой постановкой вопроса. У государства не может быть монополии. Для общественных организаций очень важно участие в выполнении тех или иных государственных заказов. Очень важно становление некоммерческого сектора на рынке самых различных услуг: образовательных, реабилитационных, просветительских, экспертных. В вашем вопросе чувствуется подоплека, возможная зависимость НКО от должностных лиц, в руках которых находится распределение госзаказов. Торг здесь конечно, неуместен. Здесь должен действовать не принцип «ты мне – я тебе», а нормальные рыночные отношения: есть потребность

Недальновидной власти проще работать с карманными структурами. Умной власти важнее работать с лучшими, с эффективными НКО – такие организации усиливают и власть, и общество.

в услуге – по конкурсу на нее заявляются и НКО, и без договоренностей получают соответствующий заказ.

– На каких принципах могут и должны сотрудничать правозащитные институты с властью?

– И у тех, и у других одна цель – создание в крае атмосферы уважительного отношения к человеку, улучшение качества жизни людей. Недальновидной власти проще работать с карманными структурами, готовыми на любые условия. Умной власти важнее работать с лучшими, с эффективными НКО. Только такие организации усиливают и

власть, и общество. Пока мы не добьемся, чтобы НКО рассматривались как реальный сектор жизни, наряду с бизнесом, пока не будут сформулированы серьезные государственные заказы на общественные ресурсы, пока процедуры выбора партнеров в НКО не станут прозрачными и открытыми, желающих быть просто приближенными к власти будет больше, чем реально работающих в секторе НКО. И еще. Гражданское общество – это не политическая сила, и нельзя втягивать гражданские институты в политику. Гражданское общество работает с той властью, которая есть.

РЫЧАГИ ГРАЖДАНСКОЙ ВЛАСТИ

«Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир», – говорил древнегреческий математик Архимед Сиракузский. Похоже, нынешние правозащитники тоже ищут основу для рычага. Они хотят найти себя в стремительно меняющемся мире. Дискуссия «20 лет спустя. Гражданское общество в России и Пермском крае» на форуме «Пилорама-2011» стала попыткой такого самосознания. В ней участвовали **Михаил Федотов**, председатель Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, **Элла Памфилова**, его предшественница на этом посту, российский общественный и политический деятель, **Алексей Симонов**, президент Фонда защиты гласности, **Йенс Зигерт**, руководитель представительства Фонда имени Генриха Белля в Москве, **Татьяна Марголина**, Уполномоченный по правам человека в Пермском крае, омбудсмены из других регионов России, а также лидеры правозащитных организаций.

НИ ДОЛЛАРА НА ГЛУПОСТИ

Участники дискуссии попытались проанализировать развитие российского гражданского общества по двум осям: этапы развития и характер финансирования. Два больших периода выделили докладчики и выступающие: 90-е годы прошлого столетия и первое десятилетие нулевых. Миллениум стал своеобразной кульминацией.

Перестройка дала рождение сильному пулу гражданских институтов, которые и сейчас являются лидерами. Гарантом их устойчивости явилась мощная финансовая поддержка Запада. Деньги в российский некоммерческий сектор вливали самые разные организации. Во-первых, это были частные фонды: **Макартуров, Форда, Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса), Мотта, Генри Джексона** и ряд других. Во-вторых, правительственные агентства **США, Голландии, Великобритании, Германии**. Выступали донорами также Всемирный банк реконструкции и развития, ООН. Московский руководитель немецкого Фонда Генриха Белля **Йенс Зигерт**, выступая на дискуссии, признался, что на протяжении многих лет их постоянным партнером является общество «Мемориал», которое получает пятую часть всех средств, расходуемых в России. По мнению докладчиков, если бы не такая массивная поддержка Запада, российское гражданское общество вообще бы не состоялось.

Публика пришла в движение. С места поднялся преподаватель, назвавшийся

Михаил Федотов

Никитой. По его мнению, организация, получая деньги из западных источников, попадает от них в зависимость. **Йенс Зигерт** не стал спорить: «Да, у нас есть свои интересы. Они заключаются в том, чтобы страна оставалась демократической. Демократические государства меньше воюют, чем иные. Мы рады тратить здесь меньше денег, если бы НКО нашли российское финансирование. Но на самом деле, это очень трудно».

Михаил Федотов, который несколько лет был членом правления Фонда Сороса в России, продолжил: «У нас было два принципа. Первый: ни доллара на глупости, каждый доллар – на полезное дело для людей и гражданского общества России. Второй принцип:

ни один доллар не должен вернуться в Америку».

Татьяна Марголина подхватила мысль: «Система финансирования в тот период очень жестко контролировалась. Фонды следили за тем, чтобы деньги шли именно на проект, в интересах целевой аудитории России». По словам Татьяны Ивановны, многие гражданские технологии, ставшие привычными, родились при поддержке иностранных доноров. Это технология защиты военнослужащих, процедура общественного контроля в местах принудительного содержания, новая система воспитания детей-сирот в приемных и патронатных семьях, а также технология контроля расходов бюджета средств. Когда эти технологии были отработаны некоммерческим сектором в Прикамье, власть взяла их на вооружение и сейчас использует по всей России.

СТЕНКА НА СТЕНКУ

Перелом в развитии некоммерческого сектора произошел на рубеже веков, когда в России пришел к власти **Владимир Путин**. **Элла Памфилова** взяла слово. В 2001 году она выступила соорганизатором Всероссийского гражданского форума. Это событие оказалось знаковым. После него начали формироваться площадки для диалога НКО и власти. «Помню, Путин нас собрал, – рассказывает Элла Александровна, – с одной стороны силовика, с другой – правозащитники. Враги, можно сказать». Разговор был трудный, но важный. Он дал толчок многим

Моя истинная слава состоит не в том, что я выиграл десяток сражений, а в том, что будет жить вечно – мой Гражданский кодекс.

Наполеон Бонапарт

Элла Памфилова

положительным процессам. Именно после этой встречи улучшилась ситуация с правами человека на Северном Кавказе, откуда после второй чеченской войны хлынули волны беженцев. Это был тот период, когда правозащитники могли общаться с Президентом с глазу на глаз и говорить ему правду. И глава государства слушал (или по крайней мере делал вид, что слушает) ее на протяжении первого срока своего правления.

Лояльность официальной власти к некоммерческому (третьему) сектору выражалась и в молчаливом одобрении деятельности российского бизнеса по финансированию некоммерческого сектора. Именно на это время приходится период расцвета благотворительной деятельности ныне опального **Михаила Ходорковского**, выступившего одним из учредителей фонда «Открытая Россия». Этот фонд был одним из крупнейших российских доноров некоммерческого сектора. На деньги фонда, в частности, финансировались программы по обучению журналистов, молодых политиков.

Но дерево, дававшее плоды, было срублено под корень. По словам **Эллы Александровны**, второй президентский срок, начавшийся в марте 2004 года, стал периодом заморозков для третьего сектора. На фоне череды террористических актов (два взрыва в московском метро, два взрыва пассажирских самолетов, теракты в Чечне и Северной Осетии – в Беслане) политика российского правительства резко поменялась. Именно тогда вышли драконовские поправки в законодательство, ограничивающие финансирование гражданских организаций

АВГУСТ 1991 ГОДА. РОЗА В ФИЛОСОФСКОМ СЛОВАРЕ

ЭЛЛА ПАМФИЛОВА, российский политик, общественный деятель, председатель Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека с 2004 по 2010 год:

– Я была во Владимирской области, когда узнала об этом путче, и на перекладных добиралась до Москвы. Добралась к ночи, на минуту заскочила домой – и в Белый дом. И только там я обнаружила, что у меня в руках огромный философский словарь, видимо, захватила из дома. Там была суета, и я встретила потомка Саввы Мамонтова, который прилетел из Австралии – он там жил. Он не мог не прийти. Мы сидели там: одну ночь и вторую – смотрели, что будет, переживали. Проговорили обо всем: об истории, о прошлом России, о настоящем, о том, какое может быть будущее. Почему-то к утру, кажется 20-го, он откуда-то достал розу. И эту розу я положила в философский словарь. И до сих пор воспоминания об этом, об этих днях – вот эта роза, засушенная в философском словаре – символ надежды, потому что именно тогда, когда все закончилось, я поняла, что никто и никогда не сможет сломить мое человеческое достоинство, я никогда не позволю наступить на него. Мы все-таки не позволим ни манипулировать собой, не позволим, чтобы нас ввели в стойло. Скажу двумя строчками **Евтушенко**: «Достоинно, главное достойно любые времена, когда эпоха то застойна, то взбаламучена до дна. Достоинно, главное, достойно, чтоб раздаватели щедрот не довели тебя до стойла и не заткнули сеном рот».

МИХАИЛ ФЕДОТОВ, председатель Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека:

– Накануне я позвонил своему помощнику и спросил: «Ну что там, в Москве?» Он отвечает мне: «Да нет никого, все в отпусках, скучно, мухи дохнут. Так что, Михаил Александрович, отдохните спокойно». Я тогда был в отпуске. Было это в Эстонии, где я отдыхал с женой и детьми... И на следующее утро я с сыном поехал на рыбалку. И о том, что случилось, мы узнали только поздно вечером, вернувшись обратно с большим уловом. На следующий день лететь было невозможно. Я понимал, что в аэропорту меня сразу задержат. Пришлось добираться поездом. На месте сразу включился в работу. Это были очень тяжелые дни. У меня от этих дней осталось ощущение не только высочайшего напряжения, но и чувство, что мы не доделали свое дело до конца. Мы его до конца не довели. После 20 и 21 августа наступило 22-е, а потом мы все расслабились и сказали, что все в порядке. А на самом деле, было все далеко не в порядке. Тогда можно было сделать гораздо больше, чем мы сделали! Это были прекрасные дни, но чувство незаконченного дела остается.

западными фондами, а также ужесточились условия работы НКО, процедура регистрации, отчетности. Государственная машина решила раздавить гражданское общество, бросив на него черную тень пособничества террористам. Это была настолько чудовищная ложь, что в нее многие поверили, в том числе депутаты Госдумы того периода, от которых зависела судьба поправок в законодательство.

Алексей Симонов

крупнейшей некоммерческой организации «Интерньюс», благодаря которой в России в 90-е годы появились независимые телерадиокомпании. Кстати, финансировалась эта организация исключительно на западные деньги. Но «стабилизации» власти такое гражданское общество явно мешало. Нет, она не отказалась от идеи третьего сектора и его терминологию тоже не отринула. Демократическая риторика осталась. Но произошла главная, фун-

Йенс Зигерт

дamentalная подмена. Государство взяло НКО на кормление. Из бюджета через систему президентских грантов и программ. Однако деньги эти были предназначены далеко не для всех, а только для лояльных, к коим относятся и старожилы типа профсоюзов, и новоделы наподобие «Наших».

Александр Калих

Алексей Симонов добавил: «На самом деле, стремление власти сблизиться

ЗАКРУЧИВАНИЕ ГАЕК

Совет при Президенте по развитию гражданского общества и правам человека, который тогда возглавляла Элла Памфилова, выступил категорически против закручивания гаек. Она пришла к Путину и сказала, что это ставит крест на развитии гражданских организаций. Он собрал Совет безопасности, Памфилова одна пыталась оппонировать государственной машине. Тщетно. Этот период ознаменовался развалом

с гражданским обществом липовое. Более того, есть ряд организаций, которым это по определению нельзя делать. Лучше уж шакалить у посольства, извините за выражение. Пусть западные гранты более строги по использованию средств, но они политически не ангажированы.

Йенс Зигерт сделал одно важное замечание: в нулевые годы некоторые НКО вынуждены были стать суррогатной оппозицией. Потому что политическая

с гражданским обществом липовое. Более того, есть ряд организаций, которым это по определению нельзя делать. Лучше уж шакалить у посольства, извините за выражение. Пусть западные гранты более строги по использованию средств, но они политически не ангажированы.

БЮРОКРАТИЯ В КУБЕ

Президентство Дмитрия Медведева обещало быть оттепелью для некоммерческого сектора. Ожидания отчасти оправдались. Например, был принят Федеральный Закон «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания...». Но если судить в целом, это был период бюрократизации. Изобретена трехступенчатая концепция развития гражданского общества: общероссийский, региональный и муниципальный уровень общественных палат. Российская общественная палата должна стать главным распорядителем средств для НКО. Элле Памфиловой эта схема представляется весьма сомнительной. Еще более опасное явление, по ее мнению, создание движения «Народного фронта». Это, по ее выражению, неестественное оплодотворение некоммерческого сектора может нанести по нему непоправимый удар, привести к вырождению. После президентских выборов 2012 года, под

которые создано движение, некоммерческий сектор ждет тяжелое похмелье.

Александр Калих, инициатор создания пермского отделения общества «Мемориал» рассказал, как в прошлом году его избрали на учредительный съезд оппозиционной партии лимоновцев «Другая Россия». К этой партии он лично не имеет никакого отношения. Но решил поехать. В аэропорту делегатов конференции люди в штатском от-

Юрий Зельников

соединили от остальных пассажиров. В результате самолет улетел вместо Москвы в Тюмень. Как бы случайно они опоздали на съезд на 5 часов. Еще один пример. В Москве на перроне Ленинградского вокзала 29 июля 2011 года неизвестные люди изъяли билет у Тины Шамрай, автора книги о Ходорковском «Заговор обезьян». Тина должна была презентовать этот роман на форуме. По словам Михаила Александровича, на правозащитников постоянно оказывают давление, шантажируют. Приходят представители правящей партии, агитируют вступать в «Народный фронт». Дают понять: не вступите, денег из бюджета не получите. Мемориальцы им вежливо – от ворот поворот. Юрий Зельников, Уполномоченный по правам человека в Калужской области начал свое выступление с цитаты из Владимира Высоцкого «Те, кто выжил в катаклизме, пребывают в пессимизме». Создание системы различного рода советов, общественных палат – это ширма. Чтобы пыль в глаза пустить Западу. Общественным организациям, которые служат источником беспокойства власти, которые стремятся воздействовать на власть и, более того, – свергать ее, ставится прочный заслон. Общество экскурсоводов – пожалуй, общество автолюбителей – да, но только не перекрываете дороги. Поэтому возникает вопрос, как взаи-

модействовать с этой властью? Как воздействовать на нее, как понудить ее считаться с обществом.

ХАОС – ОСНОВА ПОРЯДКА

Михаил Федотов согласен с тем, что порядок, который возник, вряд ли нас может устраивать. Организации, которые создаются сверху, – это муляжи, никакой жизни в них нет. А где жизнь? Все в прошлом? И да и нет. Больше 20 лет назад в России появилось такое понятие, как неформалы, протестные молодежные организации, которые стихийно рождались в пике одобренных ЦК КПСС. Это был хаос, но из него возник некий порядок. Сегодня, по мнению Михаила Александровича, остается опять уповать на хаос, из которого опять родится новый порядок. Хаос – это реальные некоммерческие организации, которые создаются людьми, и они могут оставаться неформальными, поскольку наш закон позволяет создавать организации без образования юридического лица. Благодаря этому существует большое количество групп, в том числе в Интернете. У них в глазах свет, жизнь, задор, они хотят нести людям добро.

Элла Памфилова согласилась с тем, что набирает силу самоорганизация иного порядка. Через сети. Это мобильные, динамичные группы, ситуативные. Это люди, которые не входят в традиционные НКО. В отличие от политических партий, это поле живое. И наиболее перспективное.

«А чтобы у новых организаций были рычаги влияния, – продолжил Михаил Федотов, – мы начали работу над законом о гражданском контроле. На него, по идее, должны опираться все остальные законы о третьем секторе: об общественной палате, об общественных наблюдательных комиссиях системы ФСИН, о контроле за детскими учреждениями, о контроле психиатрических лечебниц. Но чтобы это стало реальностью, нужно закрепить принципы самостоятельности структур, входящих в систему гражданского контроля. Они не должны управляться органами власти. И решения органов гражданского контроля должны быть обязательные для власти.»

Круг замкнулся. Через двадцать лет после демократической революции 1991 года Россия, похоже, выходит на исходную точку. В новом ли качестве? Или нам предстоит все та же самая заезженная политическая мелодия? Эти вопросы обсуждались на международном форуме «Пилорама-2011». На эту же тему дал интервью нашему журналу политолог, доктор наук **Олег Подвинцев**.

ВЛАСТЬ КОЛЬЦА

АКТИВ РЕВОЛЮЦИИ

– Какой тип политика выдвинула революция 1991 года? Насколько он оказался живучим?

– Некоторым людям революция действительно открывает возможности сделать быструю политическую карьеру и надолго закрепиться во власти. Обладая несомненным талантом политика, в других условиях они не смогли бы раскрыть себя и пробиться. На территории бывшего СССР самый яркий пример такого лидера – президент Беларуси **Александр Лукашенко**. Посмотрите его биографию. В советские времена он сменил много разных профессий:

был школьным учителем, замполитом в небольшой воинской части, директором совхоза, руководил небольшим строительным предприятием, и если бы не события конца 80-х – начала 90-х годов прошлого столетия, он карьеры бы не сделал. Но пришла перестройка, и он быстро восходит на вершины власти, оставаясь на них до сих пор. Я вовсе не являюсь сторонником Лукашенко и того режима, который он установил в Белоруссии. Но он, несомненно, очень яркая политическая фигура. Гораздо больше число тех, кого волна революции выносит на поверхность общественной жизни, но потом столь же быстро смывает.

Большинство тех, кто в 1917 году руководил штурмом Зимнего, уже в 1920 году не играли важной роли в советских органах. Для того чтобы закрепиться во власти, кроме умения говорить, призывать, клеймить, нужны еще воля, способность трезво оценивать ситуацию, ее последствия, принимать взвешенные управленческие решения. Умение рисковать – положительное качество людей, выдвигаемых революцией.

– Какой была политическая картина Прикамья в 90-е годы прошлого столетия? Каких личностей выдвинуло то время?

ОЛЕГ БОРИСОВИЧ ПОДВИНЦЕВ

Доктор политических наук. Профессор

Родился в Перми 29 декабря 1962 года. Окончил исторический факультет Пермского государственного университета. С 1988 года работал в ПГУ, на кафедре новой и новейшей истории, затем на кафедре политических наук. С 2003 года – директор Пермского филиала по исследованию политических институтов и процессов Института философии и права УрО РАН. Автор более 130 научных публикаций.

Я не узнаю их. На баррикадах они были выше. Станислав Ежи Лец

– Когда вспоминаешь те лица, которые были тогда на гребне волны, осознаешь: почти никого из них не осталось на политической арене. Большинство тех, кто выступал на митинге победителей в Перми в августе 1991 года, политической карьеры не сделали, да и в других сферах не очень-то смогли себя реализовать. На слуху сегодня очень немногие из тех, кто тогда проявлял активность. Пожалуй, только **Игорь Аверкиев**, **Михаил Касимов**, **Александр Калих**, можно назвать еще 2–3 фамилии. Речь идет, скорее, не о политиках, а об общественных деятелях. Аверкиев и Касимов, кстати, в период перестройки были одними из первых, кто включился в активную общественно-политическую деятельность, сплотив вокруг себя группу активных студентов истфака ПГУ. Помню, много шума наделала история, когда в 1987 году, в один из красных дней календаря, они вышли на демонстрацию в колонне университетов со своими собственными лозунгами.

ГАРАНТЫ СТАБИЛИЗАЦИИ

– Что произошло после? Как изменилась политическая жизнь? Какой тип политиков пришел на смену революционеру?

– После революции настал час профессионалов, которые должны были хоть как-то смягчить последствия крушения системы. То есть навести элементарный порядок, стабилизировать ситуацию. В этом смысле смена главы правительства **Егора Гайдара** на **Виктора Черномырдина** – закономерная ситуация. В Пермской области шли подобные процессы. После **Бориса Кузнецова** в 1996 году пришел **Геннадий Игумнов**, ставший первым избранным главой области. Главой администрации города Перми

в это время был **Владимир Филь**, который тоже принадлежал к типу профессионалов. Нынешний председатель Законодательного Собрания Пермского края **Николай Девяткин** – из той же когорты. Он, кстати, заседал еще в облсовете. Из того же разряда его предшественник на посту спикера краевого парламента **Юрий Медведев**. Время выдвинуло личностей, которые находились на вторых ролях в 70-е и 80-е годы. Они были в резерве, стояли за первыми лицами. Они, возможно, продвинулись бы и в прежней системе. Во время революции они не несли ответственность за принятие ключевых властных решений, не участвовали активно в крушении системы. Но они признали недостатки этой системы постфактум, после того, как она рухнула.

– Что в это время происходило с партиями?

– В политике после гипертрофированной активности наступила апатия. Сначала многим казалось, что вот придет к власти Ельцин, устраним коммунистов, все будет здорово и хорошо. Еще одна иллюзия 90-х годов: ожидание демократии, многопартийности, реальной политической борьбы. Но быстро прошли те времена, когда все, в том числе влюбленные на скамейке, смотрели и слушали прямые трансляции со съезда народных депутатов. Это ненормальная ситуация. В обычных условиях активно политикой интересуются 10–15 процентов населения: следят за событиями, обсуждают, определяют свою позицию. В определенном смысле революция достигла своих целей. Советскую систему демонтировали, экономику трансформировали. Но при этом распалась страна, упал уровень жизни, наступила безработица. Кто оказался

АВГУСТ 1991 ГОДА. КЛУБ РЕФОРМАТОРОВ

ОЛЕГ ПОДВИНЦЕВ, директор Пермского филиала ИФиП УрО РАН:

– В 1990–91-х годах я входил в городской клуб коммунистов-реформаторов. Линия нашего общества была такая: поддержка реформ, но отказ от радикальных, необдуманных преобразований. В клуб входили многие здравомыслящие партийные работники, новоизбранные депутаты областного и городского советов, ученые, журналисты. Среди них Татьяна Марголина, Светлана Минеева, Виктор Бурко... Многие из них занимали весомые посты, но при этом выступали за перемены. Всего человек тридцать. Незадолго до августовских событий я и еще несколько представителей нашей группы побывали на учредительном съезде Демократической партии коммунистов России (ДПКР) в составе КПСС, которую организовал Александр Руцкой. Потом партия стала называться «Народная партия «Свободная Россия». Но мы в ее состав не вошли, посчитав, что эта партия создана под Руцкого. В дни путча я был в Перми. Мы составили от имени членов клуба открытое письмо с осуждением действий ГКЧП, которое подписала и Татьяна Ивановна Марголина, в то время секретарь горкома КПСС. Письмо было опубликовано в «Вечерней Перми». Наше заявление было, конечно, не единственным. 19 августа мы побывали на стихийной сходке всех пермских оппозиционеров. Собралось человек семьдесят. Все были возбужденные. Много говорили. 21 или 22 августа, когда система уже рушилась, как представитель клуба я оказался на заключительном заседании пермского горкома КПСС. Первоначально было зрелище. Все выступали с критикой позиции партии, руководства. Валерий Степченко (ныне руководитель Агентства по обеспечению деятельности мировых судей Пермского края) тогда был первым секретарем горкома. Во время августовских событий он был в отпуске. Пришлось оправдываться. У него на столе, как помню, лежали бумаги об организации уборки картофеля. Это, по-моему, очень показательное. Погубили партию отсутствие реальной политической работы, нежелание и во многом неспособность ею заниматься. Это погубило и альтернативу более плавного перехода к демократии и демонтажа той системы, которая в Советском Союзе была. Я не рассказываю, что тогда занял такую позицию. И если бы тогда было меньше необдуманных действий, стремления быстрее покончить со старым, возможно, многих негативных явлений 90-х годов и современности удалось бы избежать.

Пермь. Митинг покупателей. Декабрь 1991

Пермь. Шествие общества «Мемориал». 1994

Пермь. Юрий Трутнев, Татьяна Марголина, Зоя Галайда на встрече с учителями. 1998

Пермь. Геннадий Игумнов. Губернатор Пермской области с 1996 по 2000

в аутсайдерах, тем не менее, долгое время считал, что если кто-то обогащается, то и для него звездный час может настать. Люди думали, что надо просто искать возможности. Сейчас мне не везет, а завтра, может, повезет. Соседу же везет. Люди стремились к стабильности, ушли в свои частные проблемы, политика им надоела. Если бы не выборы по партийным спискам в Государственную Думу, партии вообще никакой роли не играли бы. Их поддерживала только законодательная возможность продвижения людей в федеральный парламент. Даже в 1996 году на выборах главы страны интриги уже особой не было. **Борису Ельцину** удалось эти выборы выиграть только благодаря противостоянию: Ельцин-Зюганов. Либо коммунисты – либо то, что есть. И большинство населения считало, что возвращение к старому невозможно и нежелательно.

Новые люди с ресурсами начали понимать, что очень многое в нашей жизни зависит от власти. Они четко уяснили: чтобы поддержать свой бизнес, свое положение, нужно идти во власть.

Очень скоро стало ясно, что главные выборы для региона – это выборы губернатора, глав городов. Именно на этих выборах кипела политическая жизнь. Происходил отбор лидеров. Поначалу в выборах участвовало много случайных людей, которые порой показывали свою полную беспомощность в условиях развала страны, а люди серьезные, в хорошем смысле настроенные и на карьеру и на работу, сторонились этих выборов. Избиратели долго совали в основном за того, кто выступал с откровенно популистскими лозунгами. Новиспеченные политики считали, что, став во главе города, района, они в основном могут ограничиваться встречами с людьми, разго-

ворами. Но уже в середине 90-х ситуация поменялась. – **Чем объяснить расцвет политтехнологий в это время?** – Все той же апатией. Политтехнологам легко было работать с избирателями. Выбор людей тогда зависел от того, как именно будет подан кандидат. Не кто он такой, а какое производит впечатление. С другой стороны, был интерес у заказчиков. Новые люди с ресурсами начали понимать, что очень многое в нашей жизни зависит от власти. Они четко уяснили: чтобы поддержать свой бизнес, свое положение, нужно идти во власть. И соответственно чем дальше, тем больше появляется заказ-

чиков. Выборы 1996–2000 годов – это уже расцвет политтехнологий как в России, так и у нас в регионе. Губернаторские выборы были центральными в России, там была основная интрига. Там же сконцентрировались основные ресурсы. Рекорд был поставлен на губернаторских выборах Красноярского края в конце 90-х, когда оба соперника, по некоторым оценкам, потратили до 70 миллионов долларов на избирательную кампанию. При том, что численность населения Красноярского края примерно такая же, как и нашего региона – около трех миллионов человек. Совершенно немыслимые траты по западным меркам. Тем не менее, представите-

Олег Чиркунов, Николай Девяткин

Михаил Касимов

Лидия Ясырева, Татьяна Марголина, Игорь Аверкиев

Игорь Сапко, Валерий Сухих

ли новой элиты готовы были тратить такие средства. Пост губернатора становился в России все более значимым.

ИГРОКИ В ПОЛИТИКУ

– **Таким образом, девяностые можно разделить на два этапа: с 1991 по 1993 год (революция) и с 1993 по 1996 год (стабилизация). И этим этапам соответствовали типы политиков: революционеры и специалисты. Кто был следующим?** – Пришла новая формация. **Юрий Трутнев** – типичный ее представитель. Я бы сказал, что по своему жизненному и политическому стилю он, прежде всего, спортсмен. Когда я писал о нем биографический очерк, он говорил, что относится к выборам, как к поединку. Либо меня отсюда вынесут, либо – соперника. А после поединка уже другая жизнь. В том числе и счеты сводить с проигравшим никто не собирается. По крайней

мере, до министерской работы у Юрия Петровича был именно такой характер. Когда он стал министром, по-моему, он в какой-то степени поменялся. Но это особенности личности. А по социально-политическому типу Юрий Трутнев, скажем так, бизнесмен, вышедший из комсомольской среды. Он депутатом стал как представитель новорожденных бизнес-элит. И так же пришел на пост главы города. В то же время он был своим человеком для старой партийно-комсомольской касты. В то время в России было несколько разных трендов, в том числе и приход лидеров, прошедших комсомольскую школу, которая отличалась от партийной большими возможностями для проявления инициативы. Тогдашний комсомол выдвинул больше людей, готовых идти на риск. Многие бывшие комсомольские лидеры первыми пошли в бизнес. Так появился новый тип

руководителя-политика, к которому и относился Юрий Трутнев. Его способности к новациям развились, оказались востребованы и достаточные. Политиком он стал, будучи главой города. Укрепил в себе это качество на посту губернатора. То есть политика для него стала играть более важную роль, чем бизнес. И сейчас он, конечно, политик. Министрский пост не является приложением к его бизнесу. Олег Чиркунов в этом смысле тоже политик. В России можно найти еще несколько губернаторов, относящихся к этому типу. Они прошли определенную школу социализации. У них были общие условия, при которых они сформировались как политические деятели. Но в России этот тип все-таки не стал решающим. На самом деле, политиков очень мало. В основном депутатский мандат – это приложение либо к бизнесу, либо к посту менеджера. А губернаторы сейчас

в основном превратились в простых чиновников. – **Вы можете назвать еще кого-то из действующих политиков Пермского края, принадлежащих к этой когорте?** – Депутат Госдумы **Андрей Климов**, например. Или нынешний председатель краевого правительства **Валерий Сухих**. Я в данном случае оцениваю не способности, а их личный профессиональный статус. У Сухих особая история. Он попал во власть во многом по воле случая. Когда его избрали депутатом второго состава Пермской городской Думы в 1996 году, он руководил небольшим предприятием «Пермфармация», которое находилось в двухэтажном стареньком здании. Говорят, раньше это была лаборатория, где просто фасовали таблетки. Да, Сухих сумел там поднять производство, но говорить о наличии у него в то время больших

Пермь. Митинг против отмены прямых выборов главы города. 2010 ▲▶

Мы говорим: у нас – не Америка, у нас не лидеры при партиях, а партии – при лидерах.

ресурсов, конечно, не приходится. Депутатом он стал, можно сказать, по воле случая. Пост председателя Думы – тоже везение. На него претендовали другие депутаты, но самого амбициозного из них уличили в связях с криминалом. И тут выдвинулась «темная лошадка» – Валерий Сухих. Его избрание на должность председателя Пермской городской Думы – отголосок того периода, когда все ломалось, когда на вершины власти можно было вознестись быстро и неожиданно, по стечению обстоятельств. Но Валерий Сухих относится к числу тех, кто будучи вознесен случайно на властные позиции, сумел там удержаться. Он доказал, что имеет качества руководителя и политика, уже заняв важный политический пост.

СТРОИТЕЛИ ВЕРТИКАЛИ

– *Наступил миллениум. Что изменилось?*

– Нулевые. Ельцин передает власть Путину. Наступает период стабилизации. На смену политикам приходят чиновники. Власть в России сегодня – это вертикаль, в которую в той или иной степени вписались представители групп, о которых мы с вами говорили. Кто не вписался – оказался за бортом.

– *Отмена прямых выборов – апофеоз бюрократии?*

– Да. Отмена губернаторских выборов в 2003 году, а затем прямых выборов глав многих муниципальных образований. Отмена губернаторских выборов до сих пор является предметом жарких дискуссий. Даже многими сторонниками

«Единой России» это решение рассматривается как самое спорное. Вроде бы чего только не произошло за время правления Путина, какие только решения не были приняты и что только не изменилось, но эта дискуссия вспыхивает вновь и вновь. Больше половины населения до сих пор считает, что губернаторов надо избирать. Причем среди них есть представители самых разных социальных групп. Вот когда в России будут восстановлены губернаторские выборы, тогда мы можем говорить, что с эпохой Путина покончено. Даже не в силу значимости этих выборов, а в силу некоего символического значения.

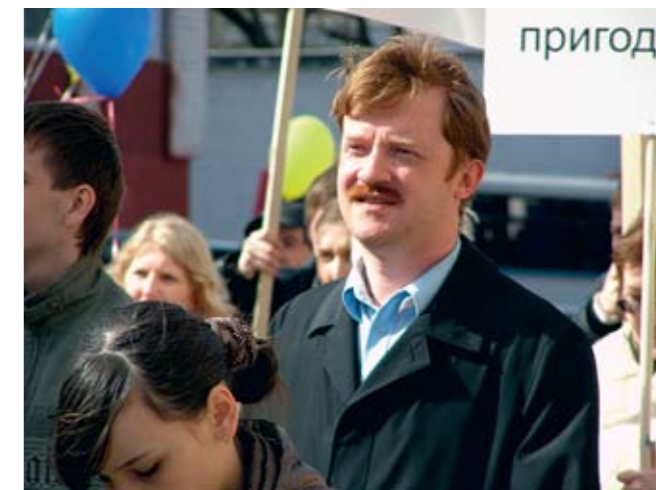
– *Какую роль играли политические партии на выборах в начале двухтысячных?*

– Я помню, когда в 2001

году началась борьба Юрия Трутнева с Геннадием Игумновым за губернаторское кресло, в Пермь приехал американский консул. Он попросил собрать экспертов и объяснить ему, что происходит. Он задал вопрос: какая партия поддерживает Трутнева, а какая – Игумнова. Мы говорим: у нас – не Америка, у нас не лидеры при партиях, а партии – при лидерах. Лидеры эти партии могут продать, обменять, бросить, захватить. Враждующие партии могли складываться в совершенно странные альянсы, поддерживая того или иного кандидата. Наоборот, партии, близкие друг другу, могли расходиться как непримиримые соперники, поддерживая разных кандидатов на региональных выборах.

– *Ваша оценка путинской партийной реформы?*

– Она имела очень противоречивый характер.

Формально роль партий усиливалась, а на самом деле происходило усиление только одной партии, которую на самом деле таковой назвать нельзя. Она не борется за власть, не осуществляет ее, не сопротивляется ей. Эта структура осуществляет только одну функцию: поддерживает власть, обслуживает ее. Она принципиально не может быть оппозиционной. Эту конструкцию можно сравнить с партийной системой ГДР, где была правящая партия – Социалистическая Единая Партия Германии (СЕПГ), а при ней еще четыре, которые занимали определенные ниши. Конечно, у нас не совсем так, но все-таки все остальные партии – это не что иное, как спарринг-партнеры партии власти. Теперь вспомним, что произошло в ГДР, когда монополия СЕПГ была разрушена. Четыре карманные партии вдруг стали реальной силой, и именно

они пришли к власти. Формальные партии, на самом деле, имеют значение. Сохранение этих институтов значимо. Другое дело, что политическое поле пустынно, оно обезлюдело. Это ощущается. И населением, и элитами.

НОВЫЕ ГЕРОИ

– *Вы согласны с тем, что российское общество устало от апатии? Если в свое время оно устало от активности, то теперь происходят противоположные процессы?*

– Да, апатия прошла. Сколько ж можно? Страха, что 90-е могут повториться, уже нет. И надежды на лучшее тоже не стало. У власти все расплано на 10, на 20 лет вперед. Лозунг нынешнего режима: стабильность, стабильность, стабильность. А сейчас все задаются вопросом: стабильность ради чего? Власть почему-то полагает, что люди должны быть со-

гласны с тем, что за них уже все решили, сообщили им, кто будет на каких постах достаточно долгую перспективу. Хотя, с моей точки зрения, это, наоборот, только провоцирует смуту. Интерес к политике возвращается естественным образом. Посмотрите, сколько разных

люди бизнеса. Второй – общественники, люди, которые придут из Интернета, из правозащитных организаций, из вузов, из науки. Вполне возможно, что активность проявят и офисные работники. Ясно одно: в политическую жизнь должно прийти новое по-

Лозунг нынешнего режима: стабильность, стабильность, стабильность. А сейчас все задаются вопросом: стабильность ради чего?

акций проходит на низовом уровне: пикетов, митингов, флеш-монов, различных инициатив. Химкинский лес, Верхнекурьюинский бор, точечная застройка.

– *На этой волне должны прийти новые политики. Какими они будут?*

– Возможны два варианта. Первый – будут доминиро-

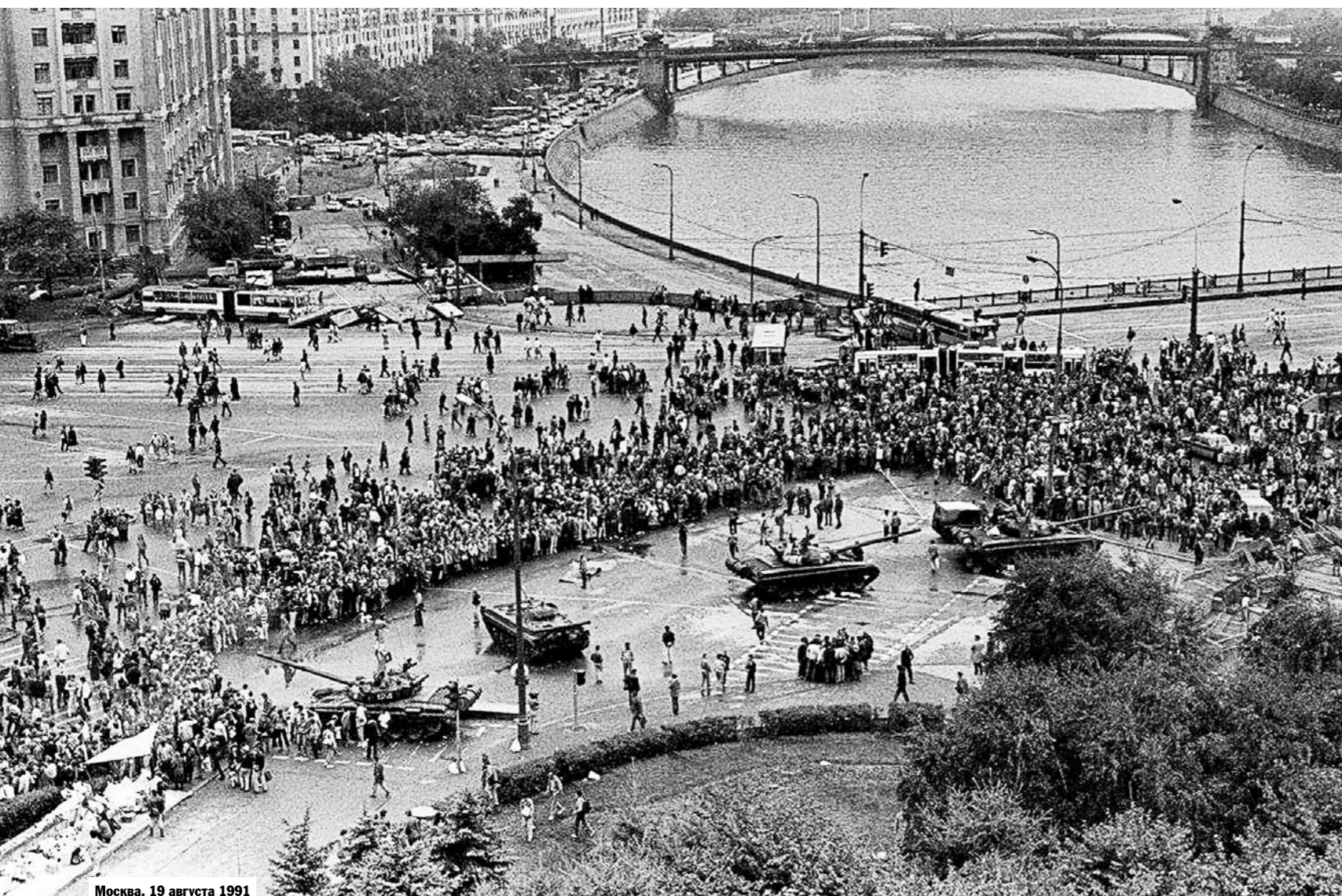
коление. Новый подъем политической активности вряд ли спадет и закончится новой апатией.

– *Путин будет президентом?*

– Скорее всего, но вопрос: как долго. Если он станет президентом, эти годы для него будут неизмеримо труднее, чем предыдущие.

ИСПЫТАНИЕ СВОБОДОЙ

Журналисты говорили во весь голос во время путча

Москва. 19 августа 1991

Августовский эфир российских телеканалов 2011 года был полон разоблачительной риторики, связанной с событиями двадцатилетней давности, когда в стране был введен режим чрезвычайного положения. Казалось бы, разоблачать уже некого, но чувствуется, что ментальный вкус к борьбе у некоторых людей, претендующих на истину в последней инстанции, остается. Слышались и такие мысли, что чрезвычайное положение было единственным способом выполнить волю народа, продемонстрированную на референдуме в апреле 1991 года о сохранении СССР. Член Союза журналистов **Антонина Невоструева** рассказывает о событиях, важных для осмысления связи времен, сути тенденций трансформации современного российского общества.

Не мы сделали революцию, а революция сделала нас. Георг Бюхнер

СВОБОДНЫЙ МИКРОФОН НА ФОНЕ «ЛЕБЕДИНОГО ОЗЕРА»

В дни августовского путча 1991 года в стране воцарился информационный вакуум, по центральным каналам транслировали «Лебединое озеро». Но, как это ни парадоксально, именно эти дни были благодатными для пермских журналистов. Не надо было бороться с кем-то, что-то согласовывать, кому-то что-то доказывать. Нужно было просто работать.

Журналисты Пермского телевидения трудились в полную силу. На площади у Пермского театра драмы была установлена передвижная телевизионная станция, организован «свободный микрофон». Связь между районами Перми, малыми городами, селами нам помогли установить сотрудники и внештатные авторы корпунктов Пермской области. Большую помощь оказали коллеги из Березников, Соликамска, Кунгура, Коми-Пермяцкого национального округа. С нами бок о бок находились сотрудники первого частного телевидения «Стек» (с 1992 года ООО «Информационно-рекламная компания «Восточно-европейское телеграфное телевизионное агентство», ныне «ВЕТТА») и «Рифея». Коллективно осмысленная работа помогла созданию более полной и объективной информационной палитры каждого дня.

НАРОД МИТИНГОВАЛ, ЦЕНЗОРЫ И ЧЕКИСТЫ ДЕЛАЛИ СВОЕ ДЕЛО

К вечеру 19 августа появился Указ Президента РСФСР Бориса Ельцина, который гласил: «...считать объявленный Комитет антиконституционным и квалифицировать действия его организаторов как государственный переворот...». От наших специальных корреспондентов в Москве мы получили сообщение по телефону, что права Главнокомандующего Вооруженными Силами, войсками КГБ и МВД, расположенными на территории РСФСР, возложил на себя Президент России Борис Ельцин. Все новости попали в эфир.

20 августа у здания телецентра на Технической, 7 состоялся митинг с требованием «сказать народу правду...». Люди возмущались тем, что «пермское телевидение молчит...». Оказалось, что митингующие нас не смотрели. Вахтеры выставили перед людьми телевизор. Сама жизнь оказалась лучшим режиссером – в эфир выходили очередные новости. Наступило затишье, потом кто-то из митингующих проговорил: «Вообще-то мы пришли вас за-

щитить, думали, что телевидение захватил ОМОН...».

Объект у нас особый, и в те дни на его территории действительно дежурили сотрудники милиции. Но они вели себя корректно, ни во что не вмешивались. Потом злые языки упрекали сотрудников КГБ за то, что они якобы влияли на информационную политику телерадиокомпаний. По отношению к нашей работе – это сущий вымысел. Сотрудник этого ведомства действительно все дни находился на территории студии, но его присутствие никак не влияло на содержание материалов, выходящих в эфир. Как всегда профессионально вел себя дежурный уполномоченный облита (цензор). Он внимательно читал

тексты только на предмет соблюдения государственной тайны. Нам было чрезвычайно важно не допустить ошибки, не нарушить Конституцию СССР. Состоялось обращение Бориса Ельцина к соотечественникам. Коллеги из Ленинграда «перегнали» выступление Анатолия Собчака на чрезвычайной сессии Ленсовета. Он настаивал на немедленном созыве в Москве или в любом другом городе Советского Союза чрезвычайного Съезда народных депутатов России. Пермские смогли услышать и увидеть все это в прямом эфире.

В этот же день, 20 августа, состоялась внеочередная сессия XXI созыва Пермского городского Совета народных де-

Пермь. Митинг молодежи 19 августа 1991

ИЗ ПИСЬМА ТАМАРЫ ИВАНОВНЫ ДАВИДОВОЙ,

бывшего директора студии телевидения председателю комитета по телевидению и радиовещанию В.М. Ермолову.

«Уважаемый Валентин Митрофанович!

Меня искренне порадовала позиция TV в дни 19-21 августа. Я находилась в это время в деревне, не имея никакой связи с Пермью. Сообщение о путче меня потрясло, но я тщетно пыталась что-либо узнать из передач ЦТ и центрального радио. По обеим программам ЦТ гнали одно и то же. И когда я уже без всякой надежды узнать что-либо новое, включила вторую программу, я вдруг увидела выпуск «Прикамья вечернего». Это были первые слова правды о происходящем. Думаю, что для журналистов, работающих в эфире в эти дни, не было вопроса, как поступить в данной ситуации. И их материалы, их работа были, безусловно, актом большого гражданского мужества. Как потом стало известно, еще колебалось областное руководство, а Пермское телевидение уже во весь голос высказало свое отношение к путчу, дало возможность сделать это публично многим пермякам и депутатам.

путатов по теме «Об отношении Пермского городского Совета народных депутатов к созданию и деятельности Государственного комитета по чрезвычайному положению». И снова вышел репортаж.

НОЧЬ ПРОСТОЯЛИ И ДЕНЬ ПРОДЕРЖАЛИСЬ

Ночь с 20 на 21 августа была особенно тревожной. Мы домой не пошли. Наша съемочная группа продолжала работать в Москве. Люди со всех сторон двигались к Белому дому. Танковая дивизия покидала столицу по Ленинградскому проспекту, слышались автоматные очереди, гудели самолеты, взлетали сигнальные ракеты... Пермь видела эту трагедию. Материалы выходили с титрами: «Без комментариев. Москва, 21 августа 1991 год».

22 августа Пермское телевидение транслировало многочисленный пермский митинг в поддержку руководства Российской Федерации.

23 августа мы достали решение Президиума Пермского областного Совета народных депутатов от 23.08.1991 года «О политической ситуации в области в период с 19 по 21 августа 1991 года». В решении отмечалась неудовлетворительная деятельность Совета «при реагировании на сложившуюся политическую ситуацию...». Передали слово в слово.

Три дня работы. Но какие дни! Неудивительно, что в этот период возросла популярность пермского телевидения. Мы чувствовали значительную поддержку и интерес со стороны зрителей.

СОХРАНИТЬ ЛИЦО И ОСТАТЬСЯ В ПРОФЕССИИ

Августовские события 1991 года, несмотря на определенный разрыв нравственной преемственности, являются ориентиром в выборе дальнейшего пути пермской журналистики. Время высвечивает людей, исчерпавших свои возможности, и истинных созидателей национальных идей.

9 декабря 2010 года состоялся открытый Пленум краевой организации Союза журналистов по теме «**Этические проблемы деятельности журналистов**». К участию в его работе приглашались все желающие. Как ни готовилась Ольга Лоскутова, наш новый председатель журналистской организации, к разговору, как ни пыталась своим докладом задать тон, обсуждения не получилось. Отмолчались. В полной тишине один из участников Пленума сказал: «Рыльце почти у всех в пушку, зависимость полная, что тут обсуждать...». Чтобы выжить, газетам, радио, телевидению

Пермь. Журналисты на митинге деятелей культуры. 2011 ▲▼▶

приходится участвовать в тендерах на информационное обслуживание законодательной и исполнительной власти. А если имеешь договор, получается – зависим. Сегодня ключевая проблема СМИ – потеря доверия общества и непрофессионализм. Ангажированные журналисты и СМИ цинично демонстрируют псевдополитические шоу. Они уверены, что народ глуп, не видит скрытую и откровенную рекламу, дозированные компроматы, якобы демонстрирующие действия власти и чиновников против коррупции. Медиапродукт в основном посвящается власти, депутатам, шоу-бизнесу, развлечениям. СМИ не интересуется рабочий человек, врач, учитель. В России во все времена не просто выполнять свой гражданский и профес-

сиональный долг. Перед декабрьскими выборами 2011 года редакции СМИ Прикамья получили негласное указание от краевой власти отказаться от участия в выборах в Государственную Думу и Законодательное Собрание Пермского края, чтобы не допустить в местные СМИ «нежелательных» кандидатов или партий. Эта проблема обсуждалась на встрече главных редакторов в Пермской краевой организации Союза журналистов России 21 сентября 2011 года. Позиция главредов, осуждающая такую практику, была предана гласности. Одни молчат из-за своей продажности, а другие все-таки осмеливаются что-то сказать. Обнадеживает позиция многих пермских журналистов, главных редакторов и работа в Большом жюри по

Татьяна Мерзлякова, Ирина Скупова, Леонид Никитинский

этике и информационным спорам с Уполномоченным по правам человека в Пермском крае Татьяной Ивановной Марголиной, председателем Пермской гражданской палаты Игорем Валерьевичем Аверкиевым и другими гражданскими лидерами. Как бы ни девальвировалось общественное мнение, нарушению конституционных прав граждан на получение информации будут препятствовать журналисты, главные редакторы, для которых репутация и миссия профессии превыше любого испытания. Как бы ни пытались некоторые главы муниципалитетов препятствовать профессиональной деятельности редакций и главных редакторов, определять информационную политику газет, использовать силовые структуры в

конфликтах между учредителями и редакцией – они проигрывают. Общественное мнение, как бы его ни игнорировали – не на стороне такой власти и конкретных исполнителей ее воли. Социальная мотивация в обществе нарастает. Журналистика как основа формирования общественного мнения ищет праведные правовые и экономические пути обустройства профессиональной деятельности. И жизнь показывает: как бы ни было сложно на этом пути, мы можем и должны быть верными профессии, оправдывать ожидания и надежды общества, защищать государственные интересы. Для нас всех важно использовать новые возможности для обустройства жизни в обществе так, чтобы человеку в нем жилось по-человечески.

Социальная мотивация в обществе нарастает. Журналистика как основа формирования общественного мнения ищет праведные правовые и экономические пути обустройства профессиональной деятельности.

АНТОНИНА ФЕДОРОВНА НЕВОСТРУЕВА

Работала редактором многотиражной газеты «Камский кабельщик», главным редактором, заместителем председателя Пермского комитета по телевидению и радиовещанию – директором Пермской студии телевидения (1985–1992 годы), главным редактором газеты «Право потребителя», журнала «В круге жизни». Являлась заместителем генерального директора ОАО «Уралсвязьинформ» по связям с общественностью, СМИ и органами государственной власти. В настоящее время работает доцентом кафедры иностранного языка и связей с общественностью ПГТУ, кандидат социологических наук, член Союза журналистов России, правления Пермской краевой организации Союза журналистов и Большого жюри по этике и информационным спорам.

Пермь. Выступление кандидата в Президенты РСФСР Бориса Ельцина. 1991

ВОЛЬНЫЕ КАМЕНЩИКИ ПЕРЕСТОРЬКИ

Август 1991 года предоставил российским журналистам почти безграничные возможности для проявления смелости, воли, профессионализма. Тогда было стойкое убеждение: свобода победила, ГКЧП не вернется. Казалось, что основы у демократии прочные. Вольные каменщики перестройки думали, что заложили прочный фундамент демократии. Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации» должен был сыграть роль краеугольного камня в основании новой российской государственности. Строили двадцать лет. Что в итоге? Об этом говорили участники дискуссии «Моя личная перестройка: где ты был в августе 1991 года и где ты теперь?». Вела дискуссию Елена Веселкова, журналист, руководитель проекта «Человеческое измерение». Она запустила дискуссию с вопроса: **Кого считать победителем, спустя 20 лет: реформаторов или ГКЧП?**

ВАЖНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ

Михаил Федотов, председатель Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, автор закона о печати, взял слово. Первые попытки создать такой закон были в 1968 году, во время «оттепели». Институт государства и права подготовил проект, который дошел до политбюро ЦК КПСС. Если бы его одобрил высший партийный орган, документ был бы передан в Верховный Совет и неминуемо принят. Но что такое 1968 год? Это пражская весна, ввод советских танков в Чехословакию. На заседании ЦК тогдашний

Каждый должен обладать мужеством отстаивать свои убеждения.
Александр Гумбольдт

партийный идеолог **Михаил Андреевич Сулов** сказал: «Известно, что между отменой цензуры в Чехословакии и вводом туда советских танков прошло всего пять месяцев. Если мы примем этот закон, то чьи танки войдут в Москву?» Сулов прекрасно понимал, что закон о печати, даже если он будет предусматривать минимальную свободу слова, смертельно опасен для режима. А закон, который был принят в 1990 году, был не минимальным, хотя и родился в результате компромисса между авторами проекта и партийной номенклатурой, которая всячески торпедировала работу. Российские журналисты получили реальную свободу. Законным стало говорить правду. Прошел год, и в Москву были введены тан-

Кравченко, который присутствовал на трансляции, дал это в эфир. Это тот самый Кравченко, который поставил на всех каналах балет «Лебединое озеро». Это был сигнал для всей страны: случилось нечто, чего телевидение показать не может. Это было важное правительственное сообщение.

Август 1991 года, по словам Алексея Кирилловича, был решающим моментом в создании независимого альтернативного телевидения в России. В Екатеринбурге укрепился «Четвертый канал» во главе с Игорем Мишиным. В Томске – «Томск-2» с Аркадием Майофисом. В Красноярск пришло «Афонтово» во главе с Александром Карповым, в Новосибирске – «НТВ-4» во главе с

**АВГУСТ 1991 ГОДА.
СКАЗКА ДЛЯ ЖУРНАЛИСТОВ**

МИХАИЛ ФЕДОТОВ, председатель Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека:

– Будучи заместителем министра печати и массовой информации я спасал СМИ, которые закрывали ГКЧПисты. Освобождал арестованных журналистов. ГКЧПисты ввели цензуру, остановили выпуск очень многих московских газет. В ответ московские газетчики создали и зарегистрировали «Общую газету» и выпустили первый номер совместными усилиями. Поскольку уже существовал Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации», то министерство печати немедленно эту газету зарегистрировало. Мы предоставили этой газете типографию.

ТАТЬЯНА ЧЕРЕПАНОВА, член Союза журналистов России

– Три журналиста: Марина Вяткина, Ирина Кизилова и я, в 1991 году работали в газете «Пермские новости». У нас никаких сомнений не было, как поступать. У нас вышел специальный выпуск газеты.

Москва. Пресс-конференция членов ГКЧП. 19 августа 1991

ки. Строй рухнул. Так что Михаил Александрович Сулов был провидцем. Ельцин в дни путча обвинил ГКЧП в нарушении закона о печати. Объявив цензуру, путчисты поставили себя вне закона. В условиях отсутствия свободы путч увенчался бы успехом. Элементарно. И никто бы даже не заметил, что победили путчисты.

Алексей Симонов, президент Фонда защиты гласности, вступивший в дискуссию, высказался более критично по отношению к первому российскому президенту. Ельцин, по его словам, нарушил закон сам, запретив на несколько дней коммунистические газеты. Но факт остается фактом: определенная свобода СМИ сработала против ГКЧПистов. Яркий пример – их пресс-конференция по центральному телевидению. В центре – Геннадий Янаев. И вдруг кадр: дрожит его рука. Крупным планом. Режиссер, который дал этот крупный план, рисковал. Но председатель Гостелерадио СССР Леонид

Яковом Лондоном. Эти люди, на колени собиравшие свои передачи, стали реальной альтернативой замолчавшему и полностью поддерживавшему ГКЧП государственному телевидению. Алексей Симонов, работая в лицензионной комиссии сопредседателем, подписывал первые лицензии. Для него это было ощущение счастья. Телекомпаний было много. Они хотели в первую очередь быть, а не иметь. Примерно 12 лет ушло на то, чтобы съесть лидеров. Их потихоньку съели. Причем никто официально это не делал. Их съела конкуренция, необходимость технически соревноваться с крупными компаниями, необходимость зарабатывать.

ПОБЕДУ ОТДАЛИ БЕЗ БОЯ

Ольга Лоскутова, председатель Пермской краевой организации Союза журналистов России, в августовских событиях не участвовала. Более того, она в то время ушла из профессии. Но сейчас,

ЕЛЕНА ВЕСЕЛКОВА,
руководитель проекта
«Человеческое измерение»:

– В шесть часов утра 20 августа 1991 года я была у проходной Лысьвенского металлургического завода вместе со своим коллегой из городской газеты «Искра» Виктором Кучумовым. Мы призывали рабочих к забастовке. Кстати, я только что получила назначение редактора городского радио, проходила испытательный срок.

В этот же день, в восемь часов утра, началось чрезвычайное заседание Совета народных депутатов города Лысьвы. В заседании участвовали представители исполкома, парткома, горсовета, начальники городского управления КГБ, ОВД, прокурор и редакторы СМИ. Выработывали позицию. Мнения разделились. Представители власти высказались насчет происходящего весьма уклончиво, чекисты молчали, представитель ОВД сказал, что его задача – обеспечивать общественный порядок, и только прокурор Таршин был прямым и однозначен: действия путчистов незаконны. В тот же день я выпустила радиопрограмму. В ней представила разные точки зрения, в том числе дала обзор информации западных радиостанций. В том же духе подготовила специальный номер городской газеты «Искра». Все эти события я описала в личном дневнике. 21 августа написала: «День победы!».

АЛЕКСЕЙ СИМОНОВ,
президент Фонда защиты
гласности:

– Я был на даче брата. Он меня разбудил и сказал: по-моему, у нас какая-то фигня. Горбачев задержан в Форосе, сейчас будет пресс-конференция. Мы срочно рванули в Москву и обогнали Рязанскую воздушно-

спусти два десятилетия, считает журналистику самой интересной работой из всех, которые предлагает жизнь. Победило ли ГКЧП? По ее мнению история развивается по спирали, и это явление периодически проявляет свою живость, пробиваясь сквозь все усилия приверженцев свободы слова.

Но есть и другой аспект. За двадцать лет журналистика, несмотря на все сложности со свободой слова, очень серьезно продвинулась в технологии и экономике. В Пермском крае осталась только одна газета, учредителем которой выступает государство – газета «Парма» Коми-Пермяцкого автономного округа. После выступления Президента России **Дмитрия Медведева** о газете «Пароходы» начался активный процесс коммерциализации местной прессы. Уже

В 1990 году была отменена 6 статья Конституции РФ о том, что правящей партией является КПСС, но на сегодня по факту действие этой статьи вернулось в форме правления партии «Единая Россия».

половина муниципальных газет зарегистрирована в качестве предприятий. Есть автономные некоммерческие организации. Это перспективное изменение в медиасфере. А вот в творчестве отрасль деградировала.

Александр Ворончихин, исполнительный директор Пермской ассоциации радио и телевидения продолжил: «На волне 1991 года было создано 23 телекомпании малых городов. Березники, Лысьва, Чусовой, Чайковский и многие другие. Две наши телекомпании имеют награды профессионального конкурса «ТЭФИ-Регион», а телекомпания из поселка Уральский даже в финал «ТЭФИ» попала. К 1998 году это вылилось в ассоциацию телерадиокомпаний. Елена Веселкова была первым президентом этой ассоциации. И представляете, эта ассоциация все еще жива. Единственная в России. Недавно у нас был фестиваль малых телекомпаний. К нам приезжали из Москвы, из других городов. Удивлялись, как это может быть? Может быть!»

Что же произошло за все эти годы? Четырежды весь эшелон директоров

и главных редакторов поменялся. Как можно снять директора? Очень просто. Выборы закончились – директора сняли. Каждая компания кого-то обслуживает.

Татьяна Черепанова, член Союза журналистов России, считает, что дела в журналистике сегодня достаточно печальные. Не так давно уволили главного редактора газеты «Искра» города Лысьвы Елену Орлову. Без объяснения причин. Тем не менее, у Татьяны нет ощущения беспросветности. Она не считает, что победило ГКЧП.

По мнению **Елены Веселковой**, за двадцать лет произошел серьезный откат назад. Сегодня мы имеем кальку того, чего тогда добивались ГКЧПисты. У власти стоят янаевы и крючковы. В 1990 году была отменена 6 статья Конституции РФ о том, что правящей партией является КПСС, но на сегодня по факту действие этой статьи вернулось в форме правления партии «Единая Россия». У нас нет независимого суда, нет выборов, нет свободных СМИ.

Ирек Муртазин, журналист «Новой газеты» как защитник Белого дома ни разу не пожалел о том, что участвовал в тех событиях. Ему не стыдно будет рассказать внукам и правнукам о том времени, не стыдно отвечать на вопрос: где ты был в августе 1991 года? А то, что победу отобрали проходимцы, это уже не его вина. Он знает, как сложилась судьба участников тех событий. Героев увольняли, а иные поднимались на высокие должности. О чем это говорит? О том, что ГКЧП реально победило. Но у нас, по мнению выступающего, все-таки еще есть шанс отвоевать эту победу. Будь нас хотя бы 2–3 процента от всего населения России, шанс есть. В противном случае, ничего хорошего. У сегодняшней молодежи одно желание – уехать из страны. Здесь у них нет возможности для самореализации. Мы упустили эту победу.

СОЛИДАРНОСТЬ И КЛАНЫ

Татьяна Мерзлякова, Уполномоченный по правам человека в Свердловской области, журналист по образованию, вступила в разговор. По ее словам, кто все время стоял на демократических позициях, так на них и остается. Но очень больно, когда увольняют редакторов районных и городских газет. Увольняют тех, благодаря кому лидеры приходили к власти на выборах. Вот это страшно. Хотя такие руководители больше одного срока тоже не выживают.

Свобода слова, которую мы отстаивали не только в Москве, но и в провинции, все-таки в какой-то мере сохраняется. От воли журналиста зависит много. Яркий пример – вооруженный

конфликт в поселке Сагра. На местного наркоторговца ополчились местные жители, на подмогу к дельцу из Екатеринбург приехало 60 вооруженных человек, устроили стрельбу в поселке, жители поселок отстояли. Эта история прозвучала на всю Россию не с подачи государства, а по воле СМИ, прежде всего свердловских. Практически все СМИ встали на сторону жителей. Поэтому просто так говорить, что победило ГКЧП, мы не можем. От нас еще очень многое зависит.

Очень важна корпоративная солидарность журналистов. Роскомнадзор пытался закрыть знаменитое агентство «Ура.ру». Все сообщество жестко встало на защиту журналистов. И СМИ живет. Свердловских журналистов от административного давления спасает корпоративная солидарность, хотя СМИ и поделились на городских, областных и всяких других, но в моменты опасности объединяются. Другое дело – районки. Там экономической независимости не существует. Без льготы им не прожить.

О солидарности говорил и **Анатолий Степовой**, журналист «Новой газеты». Он рассказал, как в 1990 году его, Андрея Бабицкого и еще нескольких журналистов пытались уличить в антисоветской агитации. Властям не понравилось, что они брали интервью у Андрея Сахарова и Анатолия Собчака на сессии Верховного Совета СССР. Их хотели лишить аккредитации. И вот тогда был написан устав для ассоциации парламентских журналистов, которую Анатолий Степовой возглавлял долгое время.

Алексей Симонов привел примеры другие. В Перми очень часто возникала проблема, когда региональная пресса делилась на кланы: поддерживающие власть и оппозиционные. Когда возникли проблемы у пермской «Звезды», когда ее обвиняли в разглашении го-

сударственной тайны, журналистская общественность России в лице Фонда защиты гласности проявила достаточную степень солидарности. «Звезду» в суде защищал нынешний адвокат Михаила Ходорковского Юрий Шмидт. И выиграл тогда этот процесс, и «Звезда» была признана абсолютно чистой по обвинению в разглашении государственной тайны. Но было и обратное. Когда возникли проблемы у пермского оппозиционного издания, когда надо было поддержать коллег, ведущее издание Прикамья сработало на официоз.

Михаил Федотов в продолжение темы привел пример из сегодняшней Великобритании. Там был большой скандал вокруг газеты News of the World, входящей в холдинг Роберта Мердока. Газета использовала незаконный доступ к персональным данным британцев. Казалось бы, другие издания из группы компаний Мердока должны были проявить корпоративную солидарность и ничего об этом скандале не писать. Ну, или говорить очень мягко, очень акку-

десантную дивизию – большое количество БТРов. Я приехал в газету «Московские новости». Тут звонит жена: мне сказали, чтобы я тебя прятала. Дескать, есть списки, в которых ты находишься. Но прятаться я не стал, мы ждали общего собрания запрещенных газет, ждали председателя Всесоюзной телерадиокомпании Егора Яковлева. На этом собрании было принято решение о создании «Общей газеты».

ИРЕК МУРТАЗИН,
журналист «Новой газеты»:

– Во время августовских событий я был внутри Белого дома. С оружием в руках. Я только-только вернулся из армии. Мы готовы были умереть. В переломный момент обороны Белого дома танки Таманской дивизии повернули стволы в обратную сторону. Через три месяца командир этого танкового батальона майор Нефедов оказался на улице – его уволили из рядов Вооруженных сил России. Какова его дальнейшая судьба, я не знаю. Но я прекрасно знаю судьбу другого комбата, который выполнил приказ, под гусеницами его бронетранспортера погибло трое москвичей. Этот гражданин семь месяцев просидел под следствием, потом его выпустили. И сегодня генерал Сергей С. является большим военачальником.

Случилось наоборот. Наиболее острые публикации против News of the World были мердоковских медиа. Это к вопросу о солидарности и цензуре.

ГРУБАЯ СОЕДИНИТЕЛЬНАЯ ТКАНЬ

Аркадий Быков, журналист краевой газеты «Звезда» высказался намного резче, чем все остальные. По его мнению, однозначно ГКЧП победило. Вот маркер – портреты Сталина, мелькающие на «Пилораме». В советское время проблем со Сталиным, по мнению Аркадия, не было. Со Сталиным покончили (шум в зале). Почему вождь появился теперь? Потому что народ почувствовал санкцию. Власть дала знак: можно. Вспомним Германию, там ведь нацистские настроения были мощные, но был четкий запрет на всю гитлеровскую символику. Попробуйте сегодня пройти с портретом Гитлера по Германии?

АНАТОЛИЙ СТЕПОВОЙ,
журналист «Новой газеты»:

– Спрашивать: где ты был в августе 1991 года, все равно что: где ты был 24–25 октября 1917 года. Вопрос, как говорится, ребром. Собственно 19 августа я был в отпуске за границей, в Праге. Мне звонит мой друг: в Москве танки. 21 августа меня пригласили выступить на полной народу Вацлавской площади, той самой, куда в 1968 году во время чехословацких событий вошли советские танки. Когда пришло сообщение, что танки уходят от Белого дома, площадь взорвалась аплодисментами!

ТАТЬЯНА МЕРЗЛЯКОВА,
Уполномоченный по правам человека в Свердловской области, журналист:

– Я тогда была главным редактором газеты «Режевская весть». Годом раньше, в июле 1990 года, меня выбрали делегатом XXVIII съезде партии. На съезде я оказалась в компании ярких журналистов, публицистов: Егора Яковлева, Отто Лациса, Леонида Кравченко. Прямо на съезде мы делали газету «13 микрофон». И вот когда грянул путч, мне было кому позвонить. Егор Яковлев уже делал «Общую газету». Он кричал в телефон: мне надо знать, что у вас в провинции происходит. А я: «Да ничего у нас не происходит». Мы были спокойны. Свердловская область была уверена, что путч ненадолго.

А у нас – пожалуйста. ГКЧП подошел на мягких лапах. И вернул позиции. Свободная, независимая пресса практически умирает, чуть-чуть жива. Как в травмированном органе взамен живой приходит грубая соединительная ткань, так и на смену свободной прессе идут своеобразные агентства пропаганды.

В разговор включился зал. Один из участников дискуссии, предприниматель Артем, высказал мнение, что все происходящее сегодня в СМИ обусловлено не столько возвратом ГКЧП, сколько самоцензурой.

Аркадий Быков парировал: «Никакой самоцензуры не существует. Есть цензура. Это когда редактор на твою резкую статью реагирует: «Вы что, с ума сошли, это наш заказчик! Уберите немедленно!» В другой раз журналист такой текст уже не понесет. Это обычная, тупая, панельная цензура».

Алексей Симонов был не столь однозначен. По его словам, видов цензуры много. Есть так называемая цензура редакционного направления, цензура редакционного вкуса, цензура начальников отделов и цензура главного редактора. И это нормальное явление. Проблема иная. У каждого издания есть черный список: про что и о ком нельзя писать. Это не страшно в условиях полноценного информационного поля. Но такого поля в России нет. И еще одно опасное явление: огромное количество журналистов занимаются не журналистикой, а пропагандой, пиаром. Это совсем другая профессия. Между тем, в вузах начали объединять два факультета: журналистики и пиара. Ничего более противостоящего друг другу придумать нельзя. Это две принципиально разные профессии. Это и приводит к самоцензуре.

В 1993 году Фонд защиты гласности провел конференцию «Пресс-служба – компас или фильтр, пресс-секретарь – чиновник или журналист?». Компас или фильтр – мы до сих пор не решили, а чиновник или журналист, решилось очень быстро: чиновник. Фонд фиксирует примерно 1500 конфликтов в СМИ в год. За 20 лет – 30 тысяч конфликтов. Мониторинг показывает: свобода слова совершенно не зависит от партийной принадлежности того или иного губернатора. Зависит от его профессиональной компетентности и, соответственно, от компетентности его пиар-служб. Они редко превышают уровень

Свобода слова не зависит от партийной принадлежности губернатора. Чем больше губернатор уверен в себе, тем меньше боится критики. И тем прессы его чаще ругает.

необходимой обороны. Они выполняют поставленную задачу. Чем больше губернатор уверен в себе, тем меньше боится критики, тем лучше у него отношения с прессой. И, естественно, тем прессы его чаще ругает.

Ирина Скупова, Уполномоченный по правам человека в Самарской области согласилась, что источником давления на СМИ выступает не вертикаль (трудно представить, что сам губернатор звонит редактору), а все-таки среднее звено. Оно как бы угадывает волю начальства и сильно ее преувеличивает.

Поэтому публичный разговор с первым лицом – это тоже средство преодоления давления. В Самаре пошли на то, что в официальном издании есть вкладыш гражданской журналистики. Свобода слова включает в себя многое: свободу выражения, информирования, свободу говорения со стороны чиновников. Осе-

У нас нет проблемы гласности, но есть проблемы слышимости. И когда ты утыкаешься в эту подушку неслышимости один, два, три раза – профессия перестает быть интересной.

ню 2010 года прошла волна публичных выступлений высокопоставленных российских чиновников, которые критиковали систему. Это было положительно воспринято обществом. Может быть, в этих выступлениях не все – правда, но публикации воспринимались как очищение изнутри.

УБИТЬ В СЕБЕ ГКЧП

Когда говорят о свободе слова, продолжил **Алексей Симонов**, надо понимать, о чем идет речь. У нас нет проблемы гласности, но есть проблемы слышимости. То есть: прочитать, услышать, выполнить, запомнить, что-нибудь сделать по поводу того, что журналист прокричал. И когда ты утыкаешься в эту подушку неслышимости один, два, три раза, то профессия перестает быть интересной.

С места встал участник дискуссии, назвавшийся **Игорем Денисовым**. Те журналисты, которые высказывают боль по поводу свободы прессы, разве не понимают, что в принципе демократии не существует? Можно достать какие-то острые компрометирующие материалы, но это заказ власти. Поэтому говорить о какой-то свободе прессы – идеализм.

Татьяна Мерзлякова перехватила инициативу: нас всех волнует не столько давление на свободу слова, сколько выживание в этих экономических условиях, в конкурентной борьбе. И возможность экономического выживания СМИ мы должны очень хорошо осознать. Основное давление на СМИ все-таки не административное, а экономическое.

Михаил Федотов согласился, что свободы сегодня действительно не хватает. Но говорить о том, что мы живем по

законам ГКЧП, он бы не стал. Он всегда был уверен, что ГКЧП проживет или три дня, или три месяца. Не больше. На большее у них не хватило бы сил.

По мнению **Алексея Симонова**, сегодня нужно говорить о пяточке свободы. Но иногда и на пяточке нечто прорастает. Во время форума Фонд защиты гласности вручил три диплома журналистам, окончившим заочные курсы основ журналистских расследований. Это вымирающий жанр. Выяснилось, что ему журналисты хотят учиться. Делают это с энтузиазмом и серьезно. Значит, на самом деле, мы не безнадежны. Поэтому сказать, что ГКЧП победило... Хрен оно победит! Но проблема состоит в том, что мы сами в известной степени превращаемся в ГКЧП.

Молодые люди в красных футболках с портретами Сталина, молчавшие до сей поры, попросили слова. От их имени выступил **активист Сергей**. Вот его тезис: «По поводу ГКЧП. Победил он или нет? Но что под этим понимать? Осталось ли в наших головах советское мышление? Не о том надо говорить. Советский Союз проиграл. Но не мы проиграла, а мои родители проиграли. Сейчас подросло новое поколение, которое видит: страна – на пути к гибели. Для меня Советский Союз – самое лучшее государство в мире, а Сталин – главный герой. Нас много и становится все больше с каждым днем. Победит Россия, русский народ, социализм. И я хочу сказать Быкову, Симонову: хрен – вам, а не ГКЧП!»

Эти слова покоробили многих участников дискуссии. И такие высказывания явно противоречили правилам «Пилорамы», где есть запрет на пропаганду сталинизма. Но они подтвердили диагноз: в стране явно что-то происходит не так, как хотелось бы реформаторам. И с журналистикой – большие проблемы.

ФИНАЛЬНЫЙ ВОПРОС: ЧТО ДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ ГКЧП НИКОГДА НЕ ПОБЕДИЛ?

Ответы были такими.

Алексей Симонов: «Удушить в себе ГКЧП».

Татьяна Мерзлякова: «Должна существовать корпоративная солидарность».

Александр Ворончихин: «Надо любить себя, людей вокруг и свое дело».

Елена Веселкова: «Надо оставаться верным профессии. Быть достоверным, правдивым. Опирайтесь на факты. Если мы будем сохранять эту фундаментальную вещь в своих сообщениях, профессия сохранится».

Михаил Федотов: «Должна быть внутренняя свобода и готовность, чтобы осуществить эту свободу».

ВАРВАРА КАЛЬПИДИ,
тележурналист, продюсер:

– Августовские события 1991 года застали меня и моих коллег в зените деятельности. Переход к новой экономической реальности в нашей стране начался с кинематографа. Народ кино любил, таким образом уже в 1987 году наша организация ТО «Инициатива» имела офис в центре города, высокие заработки (увы, тратить их было некуда), филиалы по всей стране – от Таллина до Тбилиси и Владивостока, а в Москву на оперативки летали, там был наш филиал. Поэтому среди друзей и коллег образовалось немалое число кинематографистов-москвичей.

Им мы и названивали 19 августа допоздна. Было как-то неуютно, не работалось, пытались понять, что происходит. Хотелось вместе быть. Все наши знакомые москвичи, люди, кстати, немолодые, пошли ночью на баррикады... А вечером ко мне забежал приятель по фамилии Г-ман. С порога он закричал, что написал сказку «про г-но». Я спросила:

– Разве это может быть предметом искусства?

Приятель ответил, что уже послал свою сказку в журнал.

– Ну, какие сейчас журналы... – вздохнула я.

– Ты можешь представить, что в киосках снова, как раньше, продается только одна газета – и та «Правда»?!

– Пожалуй, нет, – ответила я.

– Ну, вот и успокойся, – довольно сказал он, – если телега покатила, ее уже не остановить. Он в целом оказался прав.

Газеты и журналы всех мастей продавались и продаются – ГКЧП не прошел. Однако, сказка про г-но все же была написана...

Пермь. Строительство кирпичного завода. 1993

А НЕ ПРИОБРЕСТИ ЛИ НАМ МАЛЕНЬКИЙ КИРПИЧНЫЙ ЗАВОДИК?!

Сегодня термин «приватизация» у большинства граждан ассоциируется с «прихватизацией», воровством, обманом и расхищением государственной собственности. Практически все представления о первой волне приватизации искажены до неузнаваемости и не имеют ничего общего с действительностью.

Вопреки распространенному мнению, массовая приватизация была стихийным процессом. Многие участники знаменитого передела собственности сами говорят о том, что они двигались вслепую, без какой-то руководящей наводки, в отсутствие законодательной базы. Никто тогда толком и не знал – куда приведет Россию дорога под названием «частная собственность».

Участники круглого стола «Приватизация Перми. Двадцать лет спустя» на международном гражданском форуме «Пилорама-2011» принимали непосредственное участие в формировании рынка недвижимости и частной собственности. Среди них **Геннадий Дмитриев**, первый председатель городского комитета по управлению имуществом, **Вера Сединина**, начальник отдела приватизации города Перми в начале 90-х

годов, **Ирина Лебедева**, ведущий специалист отдела приватизации города Перми, **Олег Гуцин** – директор агентства недвижимости «ХИРШ», **Андрей Шишов**, экс-директор АН «Тимур», **Аркадий Попов**, заместитель генерального директора ЗАО «Пермский центр оценки», **Кира Нечипоренко**, эксперт компании «Перспектива», **Людмила Толмачева**, начальник департамента имущественных отношений Администрации города Перми, **Татьяна Тежикова**, экс-руководитель Обменного бюро в Перми, **Вячеслав Никитин**, начальник отдела по подготовке строительства ОАО «Камская долина», **Елена Максимча**, директор представительства АН «Тимур». Модераторами выступили **Ольга Батюкова**, стоящая у истоков приватизации и специалист информационного альянса «Медиана» **Юлия Конева**.

ВОЗЬМИТЕ ПАРИКМАХЕРСКУЮ! ПОЧТИ ДАРОМ

Сейчас, когда состояние российской экономики достаточно стабильно, а факт успешного выхода из очередного кризиса признают даже самые радикально настроенные оппозиционеры, вполне уместно оглянуться назад и вспомнить, а как, собственно говоря, все начиналось, как проходило становление рыночной экономики в Перми. О духе того времени лучшего всего сказала **Вера Сединина**: «Мы работали не по законам, а по газетам, которые, как горячие пирожки, разносили по стране решения съездов, Верховного Совета

народных депутатов». Действительно, никто не знал тогда, что делать с этой приватизацией, никаких директив сверху не давалось, переход государственных предприятий в частные руки проходил по пути наименьшего сопротивления. Сейчас каждый является собственником чего-то: дома, квартиры, долей, счетов. А тогда было дико. «Около моего дома продавали парикмахерскую, – продолжает Вера Александровна, – в которую я ходила лет десять. Я их уговаривала: «Девочки, возьмите!» 15 000 рублей – 2 оклада. Я хожу туда до сих пор, и они мне сейчас говорят: «Вот мы были дураки!» Склад

ума был другой. Народ был не готов к приватизации».

На первом этапе главной задачей комитета по управлению имуществом стало оценить собственность предприятий. «Приходили на предприятие, а там половины материальных ценностей нет, – признается первый председатель городского комитета по управлению имуществом **Геннадий Дмитриев**. – А что продавать? По какой цене? Вопросов было больше, чем ответов».

По признанию участников дискуссии, «Закон о приватизации» 1991 года был принят в очень сыром виде. Каждый город, область шли своим путем, методом проб и ошибок. По словам Геннадия Дмитриева, «главной, крупнейшей ошибкой приватизации стала потеря социальной сферы. Тогда было продано быстро и ловко много социальных предприятий. В остальном же, за то, что мы сделали 20 лет назад, мне не стыдно». Товар, который раньше завозился авоськами, корзинками из Москвы, появился на прилавках. По тем временам, это было удивительно, не надо было искать черный вход. В этой части приватизация сделала революционный переворот, не только в самой сфере обеспечения, но и в сознании людей.

Пермь прошла малую приватизацию, не заводов, а именно малую, без громких убийств, без скандалов. Городской комитет по управлению имуществом проиграл единственный суд, когда депутат **Александр Зотин** опротестовал продажу долгостроя на месте «Колизея». Всего в 90-е годы без шума и без пыли было приватизировано 839 муниципальных предприятий.

Мы работали не по законам, а по газетам, которые, как горячие пирожки, разносили по стране решения съездов, Верховного Совета народных депутатов.

Всего в 90-е годы без шума и без пыли было приватизировано 839 муниципальных предприятий.

Пермь. Витрины магазинов. 1991

УТРОМ – ДЕНЬГИ, ВЕЧЕРОМ – ЗАВОД

Сами торги превращались в настоящее шоу наподобие аукциона в «Двенадцати стульях» Ильфа и Петрова. «Была создана атмосфера деловитости. Человеку, попавшему сюда, с порога давали понять, здесь решается важное и деликатное дело», – писала в то время газета «Шанс». Людям, приходящим на торги, присваивались номера, никто не знал настоящих покупателей, их фамилии нигде не тиражировались. Все было покрыто завесой тайны. Торги длились по несколько часов, поскольку по законодательству один шаг лота ограничивался 10 тысячами рублей, а счет в то время уже шел на миллионы.

Такая тайна за семью печатями породила массу слухов. «Нам говорили, что вы продадите молочный магазин с аукциона, а там на следующий день будет бордель, – вспоминает **Ирина Лебедева**. – Я занималась вопросами приватизации Кировского района и могу сказать, что ни одного борделя в помещениях магазинов, пунктов прокатов, столовых, ресторанов у нас в Закамске не появилось».

Таким образом, спустя три года после начала приватизации, в Перми не стало ни одного государственного магазина, учреждения сферы услуг. Это позволило решить главную проблему того времени – продовольственную. Все мы помним пустые полки магазинов в конце 80-х – начале 90-х. Только благодаря появлению частных ларьков, магази-

... главной, крупнейшей ошибкой приватизации стала потеря социальной сферы. Тогда было продано быстро и ловко много социальных предприятий. В остальном же, за то, что мы сделали 20 лет назад, мне не стыдно.

нов в подвалах удалось снять социальное напряжение. Появились товары, которые были настоящим дефицитом в советское время. Правда, цены на эти товары зашкаливали, и многие граждане были не в состоянии их себе позволить.

КВАРТИРА ПО ЦЕНЕ «ЖИГУЛЕЙ»

При словосочетании «рекламный носитель» на ум в первую очередь приходят растяжки и щиты вдоль дорог. В начале 90-х годов прошлого века рекламные объявления писали прямо на асфальте. «Агентство недвижимости «Тимур». Тайно и скрытно продадим вашу квартиру!» До начала приватизации советские граждане ничем не владели, все было в государственной собственности. И тут им предоставляется свобода выбора. Можно было продать квартиру, поменять, решить свои семейные проблемы. И, конечно, этот вид бизнеса стал стремительно развиваться. И опять же каждый шел по своему пути. Кто-то предпочитал быстро нагреть руки, а кто-то выстроить бизнес, который работает до сих пор. «Тогда не было

четких ориентиров, – говорит директор агентства недвижимости «ХИРШ» **Олег Гуцин**. – Никто не знал цену. Из 6 квартир на рынке жилья сложно было выстроить ценовую политику. Но все это прошло. И чем больше выходило на рынок жилья, тем легче и честнее все стало проходить. Даже то, что теперь квартиру можно завещать родственникам, а не потерять ее в случае смерти, как раньше».

Приватизация дала возможность купить квартиру, не стоять в очереди, не ждать милости от чиновников, а решать проблему жилья самому. Приватизация позволила отойти от системы натурального обмена. «Большие проблемы возникали при оценке объектов, поскольку не с чем было сравнивать, никаких конкретных цифр стоимости квартиры в то время не было, – отметила экс-руководитель Обменного бюро в Перми **Татьяна Тежикова**. – Напомню, до приватизации существовал только обмен недвижимости, при котором выстраивались цепочки до 25 квартир. К примеру, однокомнатная квартира приравнивалась к стоимости девятой

модели автомобиля «Жигули». Соответственно, трехкомнатная квартира была на уровне двух однокомнатных. Вот такая была примерная оценка. Были случаи, когда квартира продавалась за 1600 рублей, из которых 600 рублей уходило собственнику, а тысяча – комиссионные, причем все было довольно, никто никого не обманывал». Каждый распоряжался своей собственностью по-разному. Кто-то потерял все и пошел бомжевать, а кто-то, наоборот, решил квартирный вопрос. Конечно, не обходилось без криминала, но участники дискуссии старательно обходили тему лихих девяностых стороной. Напротив, все не без лукавства утверждали, что именно тогда начал создаваться цивилизованный рынок недвижимости. По словам эксперта компании «Перспектива» **Киры Нечипоренко**, главным принципом работы в то время являлась надежность. Можно ли было провести массовую приватизацию иначе? У каждого на этот счет есть свое мнение, но, к сожалению или к счастью, прошлого не изменишь. Наша задача – учиться на уроках истории.

ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

Пресловутый национальный вопрос встает перед россиянами вновь и вновь. Как обустроить государство, чтобы было и единство, и многообразие наций и народностей? Как воспитать добрососедство людей разных кровей? Эти вопросы обсуждались на форуме «Пилорама-2011» во время дискуссии «Что такое «Мы – многонациональный народ Российской Федерации?»».

В ней приняли участие министр культуры Пермского края **Николай Новичков**, галерист **Марат Гельман**, продюсер **Виктор Бондаренко**, художник **Дмитрий Гутов**. Диалог поддержали Уполномоченный по правам человека в России **Владимир Лукин**, российский политик **Элла Памфилова**, председатель Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека **Михаил Федотов**, писатель **Людмила Улицкая**, представители национальных диаспор Пермского края. Вела дискуссию ведущий научный сотрудник Института экономики переходного периода **Ирина Ясина**.

Понимание – начало согласия. Спиназа

Ирина Скупова

Дмитрий Гутов

Ирина Ясина

ЗОВ КРОВИ

Ирина Ясина призналась: когда она поступала в МГУ, ей в школе сказали: «Куда тебе! У тебя же отец еврей!». Потом она вышла замуж за еврейского юношу. И мать мужа говорила родственникам: «У нас в семье все нормально, только вот Ирочка у нас гой, типа русская». Еще одна картинка. **Сергей Д.** из города Чусового Пермского края: «На работу прихожу. Там праздник отмечают. Выпивают. Предлагают. Нет, говорю, я ведь на работу пришел. Мне: ну, да, ты же – татарин». Председатель регионального отделения общественной организации «Всероссийский азербайджанский конгресс» **Чингиз Исаев**: «Ежедневно мы сталкиваемся с этим. Ребенок родился уже здесь, мать русская, отец не русский. Приходит из школы, показывает руки: папа, посмотри: я весь белый, почему мне говорят что черный?». Получается, что татарин (еврей, чече-

нец, узбек... и русский, само собой), который в меня влез когда-то, не растворился, не истончился. Он существует. И он подает голос. Подает голос и в быту, и на работе, и на улицах. Самые яркие проявления вырвавшегося наружу национального голоса – русские марши. И их отражение, изнанка – культурные акции, наподобие выставки «Россия – для всех», презентованной на форуме. Художник **Дмитрий Гутов** решил влезть в шкуру молодых экстремистов, пропагандирующих лозунг «Россия – для русских». Месяц настраивался, входил в транс. В результате получился ремейк агрессивного националистического уличного граффити. Каждая надпись «разоблачает» великих российских деятелей, открывая их национальную подноготную.

МАРШИ И ДЕМАРШИ

Русские марши и культурные демарши – явления, в общем-то, подобные.

Это сгущенные, сконцентрированные сигналы о том, что в Российской Федерации национальный вопрос не только не решен, а наоборот обостряется. В «толерантном» Прикамье тоже есть взрывные устройства. На дискуссии присутствовал лидер чеченской диаспоры в Пермском крае **Саидхусаин Канаяев**. Он – свидетель и участник «карагайского конфликта», который длится уже больше десяти лет и приобретает различные формы, в том числе массовые драки. Плакаты, оскорбляющие евреев, развешенные в центре города Перми накануне форума, провокационные предвыборные баннеры со словом «чурка» – факты того же порядка. Да и на самой дискуссии были выступления (правда, единичные) далеко не толерантной интонации. «Национализм рождается из-за того, что приезжают люди с Кавказа, Средней Азии. Вот идет парень, у него олимпийка – Азербайджан.

Николай Новичков

Он реально любит свою родину, он патриот, но если вдруг русский идет в майке, на которой написано: «Я- русский», тут же говорят, что он фашист, националист, вообще преступник. А я считаю, они должны жить по нашим законам, знать наш язык и наши обычаи. И мы сами не должны стыдиться своей национальности».

Но стыд есть. И есть агрессия. Возможно, именно из-за стыда за свою нацию. А отсюда – крайности. Одни, называемые русскими националистами, под покровом ночи пишут оскорбления в адрес инородцев на подъездах, заборах и гаражах. Другие, выдающие себя за вполне толерантных людей, белым днем эти надписи методично стирают, считая свои действия существенным вкладом в гармонизацию межнациональных отношений. И редко когда эти люди сходятся вместе. Потому что им трудно разговаривать, трудно понимать друг друга. Продюсер выставки «Россия – для всех» Виктор Бондаренко был рад, что в дискуссии не принимают участие националисты.

Не рада была этому Элла Памфилова, о чем сказала открыто: «В последнее время толерантность стала принимать формы примитивного, тупого ханжества, и это загоняет болезнь вглубь. В этом отношении мы не должны уподобляться Европе, будучи ей благодар-

ны за многое. Мы должны опираться на собственный исторический опыт, и положительный, и отрицательный, совместной жизни многих народов. И – обсуждать эту тему откровенно, доброжелательно и честно. Надо приглашать тех, кто считает себя националистами, если они готовы открывать лица, если они готовы в дискуссиях обсуждать эту тему. Не превращать ребят, которые по недомыслию пошли в националисты, в фашистов. Нужно приглашать на такие встречи и экспертов, ярких личностей, которые имеют совесть и позицию собственную».

КУЛЬТУРНЫЕ ЛИБЕРАЛЫ

Новый формат диалога. Новый формат совместного проживания, сосуществования. Каким он должен быть? Как в Советском Союзе? Людмила Улицкая вспомнила один момент из далекого прошлого: «В 53 году я училась в третьем классе. Наша учительница Антонина Владимировна Богданова подошла к большому плакату с изображением Первой мая. И указывая на каждого отдельно взятого персонажа, говорила: «Вот этот в тюбетейке – узбек, а этот в папахе – чеченец, а этот – татарин. Мы все равны». А сегодня никто об

Виктор Бондаренко, Людмила Улицкая

Арсений Рогинский, Михаил Федотов

Раиса Щукина, Яха и Саидхусайн Канаевы

этом не говорит. Тех, которые вышли на Манежную площадь, никто не погладил по головке, не прижал к груди, не сказал: люби, надо любить, а не ненавидеть».

Высказался Владимир Лукин. С двумя противоположными тезисами. С одной стороны, он считает, что полное единство советского народа оказалось мифом. С другой, признает: единая советская нация – это не полный бред. Как пел Владимир Высоцкий: «...и партийный, и нацмен, и беспартийный джентльмен, ну прям какой-то феномен, но и медицинский факт, но стоит рот тебе раскрыть и хриплым голосом завывать, всяк кто хочет, и не хочет, плачут в такт...»

По мнению Владимира Петровича, мы (русские, украинцы, белорусы, грузины, азербайджанцы, таджики, узбеки) – не совсем отдельные люди, хоть и отделились. Основа для мира есть. В условиях бурной миграции, новой демографической ситуации, отделиться, закрыться, замкнуться на себе невозможно. Поэтому мы должны и по соображениям общечеловеческим, и по соображениям групповым научиться жить рядом друг с другом.

Марат Гельман продолжил мысль, но в другой плоскости. В XIX и в первой половине XX века, проблема национального меньшинства, живущего в гомогенном обществе, – это проблема ассимиляции. Допустим, русский человек эмигрировал во Францию, получал гражданство и терял идентичность, он ассимилировался и становился французом с русскими корнями. В конце XX века возник новый феномен. Феномен двойной лояльности. Возникновение комьюнити. Пример – поляки в Лондоне. Люди переезжают, живут не на своей родной земле, соблюдают законы, но при этом сохраняют идентичность. И такие комьюнити возникают повсюду. Это связано с перетеканием трудовых ресурсов, с повышенной мобильностью. Значит, проблема не в ассимиляции, а в совместном проживании людей разной идентичности.

Михаил Федотов считает, что проблема требует не просто обсуждения, а глубокого научного изучения. В Совете при Президенте работает коллектив экспертов под руководством известного российского политолога и этнографа Эмиля Паина. Эксперты – из самых разных регионов России, в том числе из Поволжья, с Урала, с Северного Кавказа. На встрече с Дмитрием Медведевым в Нальчике Эмиль Пайн представил доклад. В нем говорилось о кризисе мультикультурализма (культурного либерализма). Мультикультурализм подчеркивает особенности, которые существуют у каждого,

ПРЕАМБУЛА КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенный общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чья память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем Конституцию Российской Федерации».

Элла Памфилова

Марат Гельман

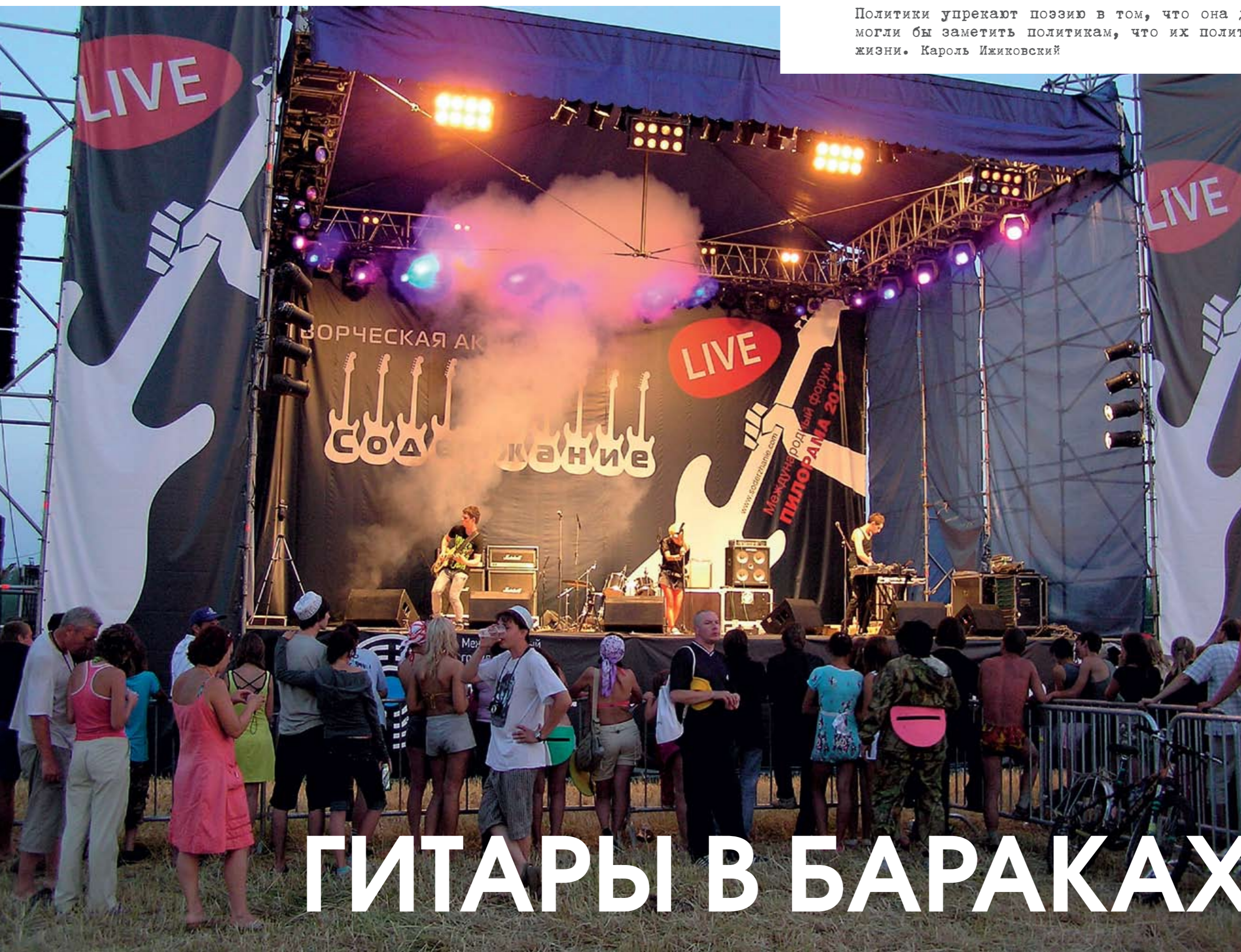
акцентирует внимание на отличиях. В результате формируются этнические гетто. Мозаика порождает межнациональную напряженность, конфликты. Что может быть этому противопоставлено? Ученые предлагают новую идею: интеркультурализм. Делать акцент не на особенностях, не на отличиях, а на том, что объединяет людей разных национальностей, живущих рядом. Искать общее. А соединяются люди в общем деле. Они притираются друг к

другу, и национальное размежевание исчезает. Они обмениваются своим этническим опытом, объединяют этот опыт. Вместе защищаются. И уже важно, какой человек национальности, если его угнетают, обижают, если он является объектом поборов, коррупции. И таким образом, на взгляд Михаила Федотова, мы можем решить задачу построения многонациональной общности, сформулированную Конституцией.

Политики упрекают поэзию в том, что она далека от жизни; но поэты могли бы заметить политикам, что их политика нередко еще дальше от жизни. Кароль Ижиковский

ГИТАРЫ В БАРАКАХ

Все началось с музыки. В 2005 году на 10-летию превращения в музей исправительно-трудовой колонии ВС-389/36 в окружении вышек и колючей проволоки пели барды: Александр Городницкий, Юлий Ким, а также Максим Кривошеев, Виктор Вершинин, пермские музыканты Григорий Данской и Евгений Матвеев. Ощущения оказались настолько сильные, атмосфера лагерного быта придавала песням настолько новые смыслы, что решено было сделать фестиваль ежегодным.

Юлий Ким

Нателла Болтянская

Александр Городницкий

Михаил Борзыкин

Виктор Шендерович

Юрий Шевчук

ЧИСТЫЙ ЭКСПРОМТ

Поначалу бардовская тема преобладала: в разные годы на фестиваль авторской песни в Кучино приезжали Николай Браун, Нателла Болтянская, Виктор Вершинин, Любовь Захарченко, Александр Исаев, Максим Кривошеев, Ксения Машкова, Ольга Чикина, дуэт «ТаМань», ансамбль «Пятый корпус» и множество других людей с гитарами. В 2006 году из фестиваля авторской песни «Пилорама» превращается в гражданский форум с мощной дискуссионной линией, и музыка, среди других видов искусств, становится лишь одним из способов говорить о свободе. В рамках дискуссий, которые становятся фирменным знаком форума, говорится о роли искусства в становлении гражданского общества, о социальном заказе, позиции художника и силе художественного воздействия талантливых произведений.

С 2008 года помимо традиционного направления авторской песни на форуме появляются рок-музыканты: Михаил

Борзыкин с группой «Телевизор», Юрий Шевчук, Василий Шумов с группой «Центр», Александр Липницкий с «ОтЗвуками Му», митьки во главе с Митей Шагиным. Артисты умело используют потенциал «Пилорамы» в качестве уникальной площадки, обладающей историческим бэкграундом, с одной стороны, и подлинно демократически настроенным руководством, с другой стороны. Здесь – простор для художественного самовыражения, своеобразной проверки творчества на прочность.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

В 2011 жанровые рамки стали еще шире, благодаря приглашенной звезде Jazzradio Berlin, автору музыки к фильмам, джаз-вокалистке Паскаль фон Вроблевски, которая вместе с Виталием Коваленко зажгала народ джазовыми композициями. Добавили жару этнические барабаны Марио Калдарару и Андрея Гончарова, а также берлинские довоенные шлягеры в исполнении Олега Нестерова и «Капеллы берлинских почтальонов» в музыкальном спектакле

«Большая свобода №7». За просто хорошую музыку и качественные зрелища для народа отвечали пермские блюзмены «Блюз-Собеседник», «Уленшпигель» и металлисты «Machette».

Актуальная музыка была представлена проектом Василия Шумова «Содержание-2», ставшим логическим продолжением прошлогоднего рок-фестиваля «Содержание Live». Вместе с ним в концерте на сцене «Боярка» сыграли представители нового поколения русского рока: «Штабеля», «Девять», «США Зайцев», «Собаки Качалова».

Вернувшись после 20-летнего обитания в США, Василий Шумов решил создать проект, в котором на первый план выйдет содержание вместо попсы. Проект «Содержание» некоммерческий. Для Шумова это принципиально, он вообще человек с ярко выраженными принципами, что подтверждает делами: концертом в поддержку Артемия Троицкого в московском клубе HLEV, выступлением на «Антиселигере», на втором Фо-

руме гражданских активистов. Все это дает повод считать, что он занял нишу открытой оппозиции, целенаправленно наполняя ее неконформистским содержанием.

Группа «ОтЗвуки Му» приезжает на «Пилораму» в третий раз, а сам Александр Липницкий уже в четвертый. Для тех, кто вырос на песнях ленинградского рок-клуба и московской рок-лаборатории, Александр Липницкий – легендарная фигура: бас-гитарист группы «Звуки Му», журналист, режиссер, коллекционер и культуролог, он в этом году провел дискуссию о судьбах русского рока, представил свой документальный фильм «История группы «Странные игры» и сыграл вместе с «ОтЗвуками» в гала-концерте.

КЛАССИКА ЖАНРА

Бардовскую линию поддержали выступления Тимура Шаова и Нателлы Болтянской. Постоянный участник и большой друг

форума, журналист, бывшая ведущая «Эхо Москвы» и талантливый исполнитель Нателла Болтянская выступила сразу с двумя авторскими программами. В «Пастушьей песне» была представлена классическая авторская песня с упором на тексты-сюжеты и взволнованный женский вокал. Вторая программа под названием «Стихи и песни о войне» стала данью памяти поэтическому наследию Второй Мировой войны. Ее партнером по сцене стал сын самого известного поэта военного бездорожья Алексей Симонов.

Тимур Шаов, автор «Частушек-пофигушек», «Хали-Гали» и «Песни о Бодуне», выступал вместе с Андреем Кудрявцевым и Михаилом Маховичем, играющем на мандолине. Лирический герой Тимура – этаким постсоветский Иван-дурак, попадающий в различные житейские передряги, которые он встречает с неизменным оптимизмом, как и положено герою – стал абсолютным любимцем публики на всем пост-

советском пространстве. В одной из статей черкеса Шаова даже называют «энциклопедией русской жизни 1980–2000-х».

Хедлайнер форума 2011 года – Андрей Макаревич. Он приехал впервые. По его собственным словам, он был весьма доволен приглашению, определенно чувствовал себя в своей тарелке, не скучал и с интересом посещал дискуссии, концерты и кинопоказы, спокойно расхаживая по дорожкам из ковровина. Андрей Вадимович приехал один, без «Машины» и «Оркестра креольского танго», выступив в старом амплу исполнителя авторской песни и спев грустные и лиричные, полные ностальгии «Не маячит надежда мне», «Костер», «Давайте делать паузы в словах» и аутентичные в лагерном окружении «Облака» Александра Галича. Абсолютно в тон песне, написанной 20 лет назад, прозвучала относительно недавно написанная сатира «Наш путь к вершинам», демонстрируя постоянство взглядов самого музыканта.

Григорий Данской

Александр Девотченко

Тимур Шаов

Барто

Михаил Новицкий

Александр Филиппенко

АВГУСТ 1991 ГОДА. СОЛНЦЕ ПОСЛЕ ДОЖДЯ**АНДРЕЙ МАКАРЕВИЧ, музыкант:**

– 19 августа «Машина времени» была на гастрольях в каком-то маленьком среднерусском городе. Утром мы узнали о случившемся. Было ощущение полной растерянности. В этом состоянии мы отыграли концерт и ночью поехали в Москву, отменив все гастролы. Добравшись до дома, я узнал, что происходит: во-первых, «Эхо Москвы» – единственная станция, которая работала, – постоянно крутила нашу песню «Битва с дураками», а во-вторых, мне передали, что звонил Саша Любимов, который находится внутри Белого дома и очень меня туда зовет. Помню, как я шел пешком через весь Кутузовский, потом через этот мост... И среди тех, кто стоял вокруг Белого дома, я встретил огромное количество знакомых людей. Все мне очень обрадовались. Была отвратительная погода, и я почувствовал, что мне неудобно идти внутрь, где нет дождя, а этих людей оставить на улице, поэтому я остался с ними. К ночи подтащили гитару, колонки. Мы под дождем пели какие-то песни... Информации – ноль: все время говорили: «Танки идут оттуда», «Нет, танки оттуда не идут – танки идут оттуда», «Там снайперы», «Да нет там никаких снайперов». И стоял один дедушка, абсолютно деревенский, и на шее у него висела «Спидола» – это был единственный источник информации... И все это время шел непрекращающийся дождь. Я хорошо помню, что в ту минуту, когда по радио объявили, что участники ГКЧП арестованы, – вот в эту секунду выглянуло солнце. Это было совершенно удивительное природное явление! И мы, конечно, абсолютно счастливые, разошлись по домам.

ГРАЖДАНИН МУЗЫКАНТ

О судьбах рока, родины и личностей говорили музыканты «Пилорамы-2011» на дискуссиях и пресс-конференции. В разговоре участвовали **Олег Грабко, Александр Пантыкин, Олег Нестеров, Андрей Макаревич, Александр Липницкий и Владимир Рекшан.**

ПРОИЗВОЛ СУДЬБЫ

Первый вопрос: что изменилось в рок-музыке за последние 20 лет?

Взял слово **Андрей Макаревич**: «Во всем мире, эта музыка, конечно, дохнет... это объективный процесс... Человечество обелось музыкой».

С музыкантом можно согласиться, если не знать, какие массы собираются на орп-

аг фестивали по всей нашей необъятной родине, это и «Рок над Волгой», «Старый новый рок», «Нашествие», «Рок Холмы», смоленский рок-фестиваль «Поехали» и множество менее раскрученных. Но мэтру следить за нынешней рок-жизнью явно недосуг. Ведь помимо собственно музыки, телепередач «СМАК», «Абазур» и «Макарена», его творческий багаж включает около

20 книг, съемки в фильмах, выставки графики у нас и за рубежом, авторские колонки в солидных журналах, продюсерскую деятельность и деятельность по защите прав животных, и многое-многое другое.

Олег Нестеров имеет иное мнение: «Сейчас благодатное время для рок-музыки. Индустрия звукозаписи рухнула, старая бизнес-модель не действует». По его

словам, у молодых артистов сегодня нет перспектив, как не было их в середине 80-х во времена расцвета питерского рок-клуба и московской рок-лаборатории. Тогда музыканты просто жили, играли любимые песни и были счастливы до предела, весь пар, который внутри скапливался, выпускался строго по назначению. Сейчас подобная ситуация. Молодые музыканты бро-

шены на произвол судьбы. Им никто не мешает, не сулит райские кущи, они опять перестали думать о хит-парадах, форматах и так далее. Они остались наедине со своими песнями. У них впереди долгая и наполненная музыкальная жизнь.

Александр Липницкий считает, что с точки зрения социальной позиции сейчас у музыкантов большие перспективы. За 20 лет, что прошли с 91-го года, нынешняя государственная власть сумела так быстро приблизиться к достижениям ЦК КПСС, что среди молодых музыкантов назревают левачьи идеи. И они, конечно, будут и в обществе, и в рок-музыке нарастать. Это, на его взгляд, штука неизбежная.

МАЯТНИК КАЧНУЛСЯ ВЛЕВО
Вопрос: если музыканты считают левачьи настро-

ения актуальными, если есть спрос на Советский Союз, может быть, прежний строй и восстановить можно?

Андрей Макаревич: «Чушь собачья, ничего не склеивается обратно, не будем врать себе. Грузины абхазов любили что ли? Все жили в страхе, страх был частью жизни, его уже как бы и не замечали, но он все равно управлял людьми. А те, которые через нельзя перешагивали, сразу становились очень заметны и опасны, а потом в этом лагере оказывались. Эта штука, Советский Союз, расплылась бы все равно, она держалась искусственно».

А вот в сегодняшней России Андрея Макаревича, похоже, все устраивает: «...у меня такое впечатление, что я живу в счастливой стране – мне не мешают, я занимаюсь своим любимым делом, мне за это платят

Андрей Макаревич

Олег Нестеров

Олег Грабко

деньги. Мы счастливые люди, и вот это счастье нужно аккумулировать и чем больше будет позитива, тем будет всем лучше». И опять музыкант сам себе противоречит, потому что позже говорит: «Нам не хватает сострадания. Кроме ценности, выраженной в деньгах, никакой другой в головах у людей не осталось. Церкви в декорацию превратились. Все, что показывают по телевизору, учит: слабого надо топить, желательно сообщать».

Музыкантов все равно тоска гложет. Что-то ценное осталось в советском времени, чего явно не хватает сегодня. Атмосфера, настроение... Нечто похожее сегодня, по их словам, можно увидеть в Белоруссии. **Олег Нестеров** поделился своими впечатлениями от Минска: «Когда я приезжаю в Москву из Минска, мне становится очень грустно. Потому что в Минске остался воздух человеческой солидарности. Идешь и думаешь: «Почему не болит голова?» А через неделю понимаешь: просто в воздухе нет агрессии. Как в лучших советских фильмах 60-х годов».

Олег Грабко продолжил: «В сегодняшней российской ситуации меня колбасит, что я не вижу перспективы изменения ментальности.

Мы по-прежнему находимся отдельно от государства: оно где-то там, а мы где-то здесь. Но мой принцип жизненный: я просто делаю то, что мне нравится. Если я могу что-то исправить хотя бы в музыке, то я это делаю».

Артист как политический инструмент

Вопрос: опасна ли внутренняя эмиграция, когда человек замыкается в себе, сознательно не участвует в жизни государства?

Может ли музыкант существовать в изоляции, быть вне политики?

Олег Нестеров считает внутреннюю эмиграцию способом человека побыть наедине с собой, чтобы накопить чернозем, который вырастит потом цветы. Не задумавшись и не углубившись, ты не сможешь ничего сделать, не сможешь полюбить свою землю. Внутренняя эмиграция иногда прорастает в сильную любовь, которая уже сама по себе начинает воздействовать на мир, в котором мы живем, в том числе на общественно-политические отношения.

Андрей Макаревич: «Иногда полезнее посидеть какое-то время внутри себя, чем маршировать с флагами за кем попало, в ком ты

завтра можешь разочароваться». Так ли на самом деле? Вся его творческая жизнь связана с политикой и политиками. 20 августа 1991 года, в дни августовского путча, «Машина времени» выступала на баррикадах перед защитниками российского Белого дома, за что впоследствии все участники группы были удостоены медали «Защитнику свободной России». В 1996 году Макаревич принял участие в пропагандистской кампании «Голосуй или проиграешь» в поддержку Бориса Ельцина. Можно вспомнить встречу Дмитрия Медведева с рок-музыкантами в кафе «Ритм-блюз», принадлежащем Андрею Вадимовичу. Согласно удачной формулировке журналиста Павла Каньгина, хороший рок-музыкант – чрезвычайно востребованный политический инструмент, и ситуация вокруг Андрея Макаревича это подтверждает.

Кстати, по вопросу участия в политической жизни страны Макаревич принципиально расходится с **Юрием Шевчуком**. В одном из интервью Шевчук так определил свою позицию: «Я свободный художник. Искусство без свободы не существует, по крайней мере, чем маршировать. Поэтому я не считаю,

что музыканты или спортсмены должны идти в политику. Для художника хозяин – Бог, а не царь его страны. Несмотря на это гражданином музыкант быть обязан. Придя на «Марш несогласных» я выполнил свой гражданский долг».

Зона у каждого своя

Вопрос: как себя чувствуют музыканты в атмосфере баракков?

Для **Александра Липницкого** ГУЛАГ – не пустые слова. Его прадедушка Кирилл Титыч Окуневский был арестован в 1937 году и расстрелян по приговору «тройки», та же участь постигла его жену, Евгению Александровну Окуневскую. Его бабушка, актриса Татьяна Окуневская, была арестована в 1948 году. Освободили ее после смерти вождя. На форуме он посмотрел фильм «Сталин с нами». Здесь эта старая лента прозвучала очень остро. Александр Липницкий говорит, что ему интересно наблюдать на форуме за рок-музыкантами. Их социальная позиция кристаллизуется в этом месте. «Пилорама» для них – допинг.

У **Владимира Рекшана** ощущение: отсюда никуда не деться. Холод, проливной дождь, а ты приехал с вы-

Александр Липницкий

Владимир Рекшан

ставкой и должен возле нее находиться. Должен сидеть, хоть и нет автоматчиков. Чтобы как-то себя взбодрить, Владимир взял гитару и стал петь сам для себя и для таких же, искусственно оказавшихся на зоне людей. Один день выжил. А каково пять или десять лет без права переписки? Так что зона у каждого может быть своя, но она всегда ря-

дом. Жизнь человека – орел и решка. Владимир рассказал историю. Банальную. Его дальний родственник с Алтая, которого он знал мальчиком, вырос, пошел в армию. Из армии вернулся, напились, забили какого-то теленка, съели на закуску. Четыре года. Вышел. Уже подготовленный. Опять напились, дури покурили, соседа украли инструмент,

чтобы пропить, заодно прихватили старую берданку. Уже 12 лет. Проза жизни. Жил себе человек, жил, попал в армию, и все поломажось. Такие жизни уничтожаются легко и незаметно. Владимир Рекшан говорит: «Хочется, чтобы наша страна двигалась в сторону не то чтобы милосердия, это банальное интеллигентское слово, но к какому-то здра-

вому смыслу. Мы же сами себя уничтожаем всеми способами. Рок-музыканты водкой себя уничтожают, государство людей в тюрьмах гнобит». И все-таки, от самой «Пилорама» у Рекшана впечатления светлые: «За эти три дня я забываю вообще все. Я чист, как выпускник пионерского лагеря. Но хорошо, что это не пять лет».

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК ПРОШЕЛ

Тимур ШАОВ

Двадцатый век прошел, скромны его итоги:
Купил жигуль сосед, купил ботинки я.
Стоим у новой эры на пороге
И думаем о смысле бытия.

С деньгами хорошо, без денег очень плохо,
Сосед убил жену, а я свою – люблю.
Какая интересная эпоха,
Пойду еще патронов докуплю.

В больницах и в метро – боязнь террористов,
Комета не к добру летит над головой
И, вообще, я вам скажу, наш мир весьма тернистый,
Но он как сын-бандит, – опасный, но родной.

Как хорошо быть конем,
Весело ржать и кобыл по лужайке гонять,
Вроде бы ты ни при чем,
Вроде б история где-то течет за холмом.
Мне надоело давно
Слушать безумные речи, мне хочется спать,
Но эпоха настырная лезет в окно,
Мешая лениво дремать.

Двадцатый век прошел, пора умнеть, Россия,
Мы не рабы, братва, и бедность – не порок!
Голосуйте за пророка Моисея
В очередной сорокалетний срок.

А кто он, тот герой, предмет народной веры?
Кто этот Прометей? Кто-кто! Да конь в пальто!
Под шляпою рога и пахнет серой,
Он нам рекомендован как святой.

Отстань, мой пессимизм, не будь таким занудой,
Все будет хорошо, нас скоро позовут.
Нам надо подождать обещанного чуда.
Мы спутники большой планеты Голливуд.

Мы в своем тесном кругу
Будем резвится и петь, и плясать без порток,
Как пастушок на лугу,
Будем беспечно дудеть в свой паршивый рожок.
Где-то сражение идет,
Там человечество бьется, с собою борясь.
Цивилизация пышно цветет,
Воняя, гремя и дымясь.

Двадцатый век прошел, стучится двадцать первый,
Что делите, козлы, охота вам стрелять?
Ложитесь спать, поберегите нервы,
На днях наступят мир и благодать.

И Запад, наконец, скентуется с Востоком,
И прекратится злой, всемирный мордобой,
Еврей с арабом, как ягненок с волком
Придут рядом на мирный водопой.

Откроют закрома, заживем красиво,
И потечет шампань в кисельных берегах,
И счастье всей земли, и много-много пива,
И на полу – паркет, и люстры – в нужниках. Ах, ах.

Ах, вождельный наш рай, –
Место, где можно лежать, ковыряя в носу.
Ты пастушок, доиграй,
Завтра тебя злые люди повесят в лесу.
Ах, что за век, славный век.
Оркестр на форте играет финал,
А в задних рядах кто-то вставил запал,
Прощай, добрый зрительный зал.
А в задних рядах кто-то вставил запал,
Прощай, добрый зрительный зал.

НОВАЯ РОССИЯ

Юрий ШЕВЧУК

Как обезьяна, кормящая мертвое дитя, не понимая, что он не живой,
Как невеста, веруя, что жизнь – это свет и не свяжет рот ее скотч,
Так и ты спишь с разбитой иллюзией, добрый и смелый изгой,
Но тени уже оторвались от предметов в вашу брачную ночь.

Что стоит свобода, если гланды вождя через зад достать языком?
Что стоит победа, если ты всех достал, даже самого себя?
Ось, на которой вселенная вертится, – в ржавом подъезде лом.
Последнее соитие с этим миром – ужас настоящего дня.

Новая Россия, вылетающая из меня...
Новая Россия, выползающая из огня...

Гармония прекрасна, если не знать, что кричит у нее внутри.
Разорвет от напряжения на этой войне, но другого выхода нет.
А в небе туманном сияет она, гори, моя звезда, гори.
Нам говорят, что Родина в этой дыре, но мы, щурясь, вылезаем на свет.

Рэп новых галлов, вандалов и гуннов, вялится мясо в седле.
Мир многомерен. Все измеренья. Вертится вертикаль.
Тот, кто не с нами, – рабы и холопы ищут крошки на царском столе.
А мы наблюдаем, как в нашей тоске вновь закаляется сталь.

Новая Россия, вылетающая из меня...
Новая Россия, выползающая из огня...

Она не знает, кого ненавидит, не понимая, где правда, где ложь.
Она жаждет хлеба и зрелищ, она груба, зачем вилка и нож?
Она очнулась от воплей и звона, аннигиляции нового дня.
Марш несогласных – танцы ОМОНа вылетели из меня!

2011 год.

КАМЕРНАЯ МУЗЫКА

Михаил МЕЙЛАХ

Словно дым над приглушенным пламенем
расползается весть, и уже
это слово срывается с именем
в обвинительном падеже.
Поначалу нечленораздельные,
словно из полунебытия
вавилонского хаоса дальнего
отплыла звуковая ладья –
щелевые, глухие, шипящие,
сочетаясь в один звукоряд,
расцветают шумящую рощею,
чтобы цвел фонетический сад
в переулках, на лестницах, в комнатах,
по углам коммунальных квартир –
чтоб крадучие радиоволны
ледяной распахали эфир,
– чтоб безличной конструкцией наполнился
сиплый воздух обеих столиц,
чтобы пляской поганой пенился,
трясовиц, огневиц, плясовиц,
– чтоб воздушного князя владения
в онемеченной зыбились тьме,
чтоб кашеева царства веление
отозвалось в аду и в тюрьме.
...Приближается звук. В сводах камеры
заблудился потерянный звук.
Белой бабочкой взвился и замер,
не коснулся протянутых рук.

ДРУЗЬЯМ- МЕМОРИАЛЬЦАМ

Наталья ГОРБАНЕВСКАЯ

То-то раньше был порядок,
лист газетный чист и гладок,
ни страстей, ни людобоен,
полосы лесопосадок
шли в шеренгу под конвоем.
Мало, мало постреляли
нас.

Это кто сказал «нас»?
Это Мы от имени Масс,
куда затесался класс-
-овый враг. Оный враг – не дурак,
он страну толкал в буерак,
а теперь затолкнул, затолкнул,
недострелянный, недобитый,
недовыброшенный орбитой
людобоек и мясорубок,
и еще шевелится, обрубок,
и еще разевает рот...

2008 год.

ДЕРЕВНЯ

Тимур КИБИРОВ

Русь, как Том Сойер, не дает ответа.
Должно быть, снова шалости готовит
какие-нибудь... Середина лета.
Гогушин безнадежно рыбу ловит
под сенью ивы. Звонко сквернословит
седая Манька Лаптева. Рассветы
уже чуть позже, ночи чуть длиннее.
И под окном рубцовская рябина
дроздам на радость с каждым днем
желтеет.

Некрупная рогатая скотина
на пустыре торчит у магазина,
и возникает рифма – Амалфея.
По ОРТ экономист маститый
М. Курдюков и депутат Госдумы
пикируются. «Вот же паразиты!» —
переключая, говорит угрюмо
Петр Уксусов. Но Петросяна юмор
вмиг остужает мозг его сердитый.

Вот мчится по дорожке нашей узкой
жигуль-девятка. Эх, девятка-птица!
Кто выдумал тебя? Какой же русский,
какой же новый русский не стремится
заставить все на свете сторониться!
Но снова тишь, да гладь, да трясогузка,
да на мопедке мужичок поддатый,
да мат, да стрекот без конца и края...
Опасливый и праздный соглядатай,
змеей безвредной прячусь и взираю.
Я никого здесь соблазнить не чаю.
Да этого, пожалуй, и не надо.

1997 год.

НАЧАЛЬСТВО СЛУШАЕТ МАГНИТОФОН (ПОДРАЖАНИЕ А. ГАЛИЧУ)

Юлий Ким

Мы об Марксе твердим и об Ленине,
Отщепенцев к столбу пригвоздив.
Все, что мы утверждаем на пленуме,
Подтверждает потом партактив.

И не в форме тут дело, а в принципе,
Так что в общем и то ничего,
Что, как рвенье дойдет до провинции,
Гвозданут иной раз не того.

Призовем из писательской шатии
Самых злых медведей-шатунов.
Облегчим мощью всей демократии
Лебедей-крикунов от штанов!

Ишь, зажрались харчей наших, нелюди,
Обнаглели и воду мутят!..
Ничего, мы напомним, как лебеди
Превращаются в гадких утят!..

И все-таки я кумекаю,
Что где-то за спиной
Исходит сука некая
Опять гнилой слюной.
И вместе с подлой кодлюю
На черном на крыльце
Страну порочит родную
В моем лице!..

– Нет, вы послушайте, что они поют, включите,
пожалуйста, магнитофон и
послушайте, – что они поют!..

– Нам об Марксе твердят и об Ленине,
Нам на них отверзают глаза,
Ну, а сами из Маркса ни бе, ни ме,
И из Ленина тож ни аза!

А на что им копать-то, пачкаться?
Стоит слово сказать и начать,
Как цитатка сама обозначится,
Словно знаменье или печать.

Эрудиция плюс юрисдикция
Означает мозгов нищету,
Если право у них и традиция
Человека считать за щепу!

Отщепят, обзовут отщепенцами,
Обличат и младенца во лжи...
А за то, что не жгут, как в Освенциме,
Ты еще им спасибо скажи!..

1972 год.

* * *

Сергей МАЛАШЕНКО

Должна завидовать Марии-Антуанетте –
Ее казнили только раз.
Минуточку, попросила она,
Только одну минуточку, господин палач...
А Россию казнят каждые сто лет,
а то и чаще,
А чо – ерничает очередной исполнитель –
Все легитимно,
Быдло-то, то есть электорат, безмолствует,
Хи-хи-хи-хи-хи,
Особенно после декапитации...
Только какие-то неизвестно, как зовут,
Скулят:
Минуточку, господин палач, минуточку...

2011 год.

К ВОПРОСУ О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Сергей МАЛАШЕНКО

Кто счастливою называет
Россию, а кто несчастной,
Но нигде больше не бывает
Жизнь такую частной.

Не за урановой солью,
Не за драгоценной породой,
Спускаемся мы в подполье –
За глотком кислорода.

2011 год.

ИСТОРИЯ ЛАГЕРЯ «ПЕРМЬ-36»

Лагерь начал создаваться в 1946 году, когда лесная ИТК-6 (исправительно-трудова́я колония № 6) Молотовского УИТЛК (управления исправительно-тудовых лагерей и колоний) была перенесена из поселка Селянка в деревню Кучино. Тогда были выстроены четыре бревенчатых барака, медсанчасть, баня и штрафной изолятор. Лагерь был обнесен ограждениями из колючей проволоки с четырьмя вышками по углам. Кроме базового лагеря в деревне Кучино в его состав входили еще четыре так называемые «командировки» – отдельные лагерные пункты, расположенные непосредственно в лесу.

После вырубki близлежащего лесона ИТК-6 не ликвидировали, как это обычно бывало с подобными колониями. Его стали использовать как склад, куда в течение всего года свозился заготовленный лес, с весенним паводком сплавлявшийся по реке. Лагерь снабдили тракторами и автомашинами для перевозки леса из дальних деленок. Рядом с лагерной зоной были выстроены гаражи, мастерские, кузница и другие сооружения, необходимые для обслуживания и ремонта техники. Колония стала официально именоваться лесной механизированной ИТК-6. После смерти Сталина колонию сохранили потому, что она имела большую материальную базу и развитую инфраструктуру. Начиная с 1954 года туда стали направлять осужденных работников правоохранительных органов. Тогда были выстроены новые многорядные ограждения из колючей проволоки,

обнесенные дощатыми заборами, устроены сигнальные системы. В начале 70-х годов ИТК-6 стал местом отбывания политзаключенных. Ему дали новое наименование – условную аббревиатуру ВС-389/36. 13 июля 1972 года из мордовских лагерей сюда привезли первых политзаключенных. В правозащитной среде его стали называть политлагерь «Пермь-36». В то время еще раз были усилены охранные системы и заборы, выстроено кирпичное здание штаба, реконструированы мастерские, построена кочегарка. Все помещения перевели с печного на водяное отопление. Не ради гуманности. Печи и склады дров были удобны для устройства тайников и передачи информации. К 1980 году на территории бывшего нижнего склада, в здании лесоперерабатывающего цеха, был создан участок особого режима. В этом бараке

в круглосуточно запертых камерах содержались «особо опасные рецидивисты». Там было устроено не только центральное отопление, но и канализационная система в каждой камере. Опять же для большей изоляции и безопасности. Этот барак был самой суровой и жестокой тюрьмой в СССР и единственным в то время в стране лагерем особого режима для политических заключенных. 29 декабря 1987 года помиловали большинство политзаключенных. В 1988 году лагерь закрыли. Большая часть его сооружений передали областному отделу социального обеспечения под размещение в старых лагерных бараках психоневрологического интерната.

В настоящее время на месте уникального лагерного комплекса эпохи ГУЛАГа расположен Мемориальный музей политических репрессий «Пермь-36».

ВСЕМИРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЮНЕСКО

Всемирное наследие – природные или созданные человеком объекты, приоритетными задачами по отношению к которым являются сохранение и популяризация в силу их особой культурной, исторической или экологической значимости. В 1972 году ЮНЕСКО приняла Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия. СССР ратифицировал Конвенцию 9 марта 1988 года. К апрелю 2010 года ратифицировали конвенцию 187 стран-участниц, в их числе Россия. Почти ежегодно Комитет всемирного наследия проводит сессии, на которых присуждается «статус объекта Всемирного наследия». По состоянию на 30 июня 2011 года в списке Всемирного наследия – 936 объектов.

ISSN 2225-5028

9 772225 502003